

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Я живу, и неба мне
надо много. Стужи мало.
Я себя освобождала
от всего, что дарит жизнь.

Нина Ивановна Каверина

Нина Ивановна Каверина

Освобождение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70309222

SelfPub; 2024

Аннотация

Что в сей книге? Пожалуй, с собой расставанье, с той весенней зарёй, что несла день утех, с дорогими людьми...

Содержание

I С природою вступаю я в родство	7
II Родные люди	43
III Коль проснулся, позволено жить	72
IV Человек и время	101
V Здесь я был, грешный	116
VI Будем помнить	139
VII Всё о ней	145
VIII Вручить решаюсь с надеждой зыбкой любимый труд	156
IX Мой привет японскому поэту Мацуо Басё.	168

Нина Каверина

Освобождение

*Мои годы – итоги, итоги
до открытий: ах, так оно было...
Одолов временные пороги,
мысли в слове крепят свои силы.*

И С природою вступаю я в родство

Пейзажная лирика

Зимнее солнце

С утра морозно, солнечно,
насыпало снежку.
Нет луж, и слякоть кончилась!
Скользим шажок к шажку.

Лес поуютней города.
Дорожки, две лыжни
белеют любо-дорого.
Куда зовут они?

Смотри: по обе стороны
на серебре снегов
синее тень узорная,
след веток и стволов.

Таинственные росписи –
игра шальных лучей.
Деревьев песнь без голоса
в них разгадать сумей.

Но вдруг алмазно-синяя
погасла пелена.
Снег потускнел. И дивная
возникла новизна.

Лес засветился предо мной
от низу до вершин.
То солнце, зная путь дневной,
спустилось на аршин.

Пора домой. А солнышко
закатом снег зажжёт,
раздаст лучи до доньшка
там, у ночных ворот.

2018 г.

Просинец*

Занавеску приоткрою –
за окном зима.
Спят в заснеженном покое
тёмные дома.
Ночью сеялась бесшумно
белая крупа.
Нет следов, пока безлюдно,
девственна тропа.

Солнце где-то в одеяле
стражей-облаков.
Зорька явится едва ли,
но, смотри, готов
всё мощнее наливаться
воздух синевой,
синь светлей и ярче. Братцы,
мир совсем иной!
Фонари, как в толще водной
ожили, плывут.
Всё застыло в сказке сонной.
Где я – там иль тут?

Просыпается лениво,
долго зимний день.
Промелькнет легко, как диво
Севера – олень.

2019 г.

*Старинное название января.

Февраль кривые дороги

Утонул в снегу февральском
городок.

Вон шагает мало-мальски
мой сынок

по дорожке занесённой
в школьный дом.

Гляну в сумрак законный
и бегом

по своим делам насущным
допоздна.

Снегопад всё гуще, гуще –
хлопьев тьма!

Как добрался до работы
муж-отец?

Заглушу тревоги ноту
наконец.

Вечер. Снег угомонился
в вышине.
Может, мутный день приснился
всем и мне...

2019 г.

Майский день

Майский день, именины сердца. /Н.В. Гоголь/

Проснулась ранним-рано – хорошо!
Скорей на волю: что на белом свете?
Остановилась. Холодно? Свежо.
Но сколько солнца! Сад мой ныне встретит
благословенье: семени спешить
буравить землю, развернуться цвету
на яблонях, а травам – мир расшить
узорочьем по тайным их заветам.

Туман ещё синеет по кустам.
Блестят, свисая, паутинок нити.
Бездонна синева. Гуляют там
лип, кленов кроны. Посмотрите!
С утра веселый щебет чуть звенит.

Пронзают ветви птичьи перелеты.
Цветок покинул стебель –
он летит?
То синий мотылёк – свои заботы...

День – музыки весенней торжество.
Со всем живым вступаю я в родство.

2019 г.

Птица

В утренней звенящей высоте
ровные круги наводит птица.
На земле все вязнет в суете –
там покой. Взлететь и заблудиться.

Два крыла раскинулись, парят.
Коршун, ястреб – примиришь с загадкой.
Что высматривает острый взгляд,
жизни чьей нарушится порядок?

Но поверь: непонятый восторг

плыть неслышно в синеве небесной
чуют, знают птицы с давних пор.
Их душе распахнутой известен.

Есть сомненье? А скворец весной
и поёт, и крыльями трепещет –
радость рвётся вон... И сам не свой
соловей – чок-чок, всё чаще, резче!

Снова птица в солнечных лучах
увлекла.
– Какие видишь дали?
– Пашни вспаханы, ещё молчат.
Луг потоком жёлтых пятен залит.

– В майский день широк твой окоём.
Мы его увидели вдвоём.

2019 г.

Июнь. Соловьиная ночь

Отпылавшее солнце

присмирело, уходит за край
светового оконца,
на земле упоительный рай
оставляя: прохладу
и согретых цветов аромат,
звуков дерзких отвагу –
соловьиного пенья каскад.

Первых трелей звоночки
провожают стихающий день.
Царь блистательной ночи
он теперь, петь-резвиться не лень.
Чем не царь? Купол – сонный
звёзд полёт над луной молодой,
стены – сосен колонны.
Лучший замок на тверди земной!

Здесь, на троне зеленом,
он звенит, заполняя окрест
всёсобой, своей песней – влюблённый.
Птаха малая, птаха-оркестр.

2019 г.

Липа вековая

Два ствола как ноги исполина,
заплелись, умчались в высоту.
Многорукый Шива выгнул спину,
листья довершают красоту.

Ветви как стволы, такой же мощи,
вправо, влево, прямо, под углом.
Породили крону, шумной роще
равен нежной зелени объём.

Сколько лет те липы матерели,
превращаясь в существо одно.
Синевой воздушной овладело
пышное зелёное руно.

Я стою пред этим великаном
много лет и знаю: он как дом
для скворцов, весной от солнца пьяных,
летом – совушкам аэродром.

И пичужкам малым (их не счесть)
есть где и гнездиться, и присесть.

Дождалась! Сегодня день особый,
день цветенья. Под листком – букет,
он жемчужно-белый, высшей пробы.
Запах... Напоён им белый свет.

Помолчу, услышу стойкий гул,
пчёл, шмелей таинственный разгул.

2019 г.

Его Величество Август

Словно скатерть-самобранка
развернулась на земле.
То не сказка, не обманка –
август в городе, в селе.

Отогнать сумел ненастье.
Снова солнце, летний зной.
Зрели, вопреки напастям,

груды снеди золотой.

По обочинам дорог
бабушки в платочках
ставят ящички у ног
для торговой точки.

Тыквы тяжеленные,
яблочки и груши,
кочаны отменные.
Не бывает лучше!

Что лелеяли с весны
за глухим забором –
то на торг людской. Вольны
всё окинуть взором.

Молчаливый мужичок
снял платок с корзины.
В ней грибы – наперечёт
крепкие. Картина!

Выдержит ли самобранка
с юга сладкий водопад?

За штурвалом, за баранкой
мчат южане. Ждем ребят!

Раззадорились хозяйки:
как сберечь на зимний срок,
что сегодня без утайки
август дарит? Надо впрок

делать разные запасы.
Кухня – маленький завод.
Он плодов проварит массы.
А потом... на Новый Год...

Зарумянится мамаша
от похвал своих гостей.
– Ну, огурчики – знай наших!
– Да всё просто, без затей!

2019 г.

Осенние забавы. Георгин

Он расцвел на высокой, на тоненькой ножке –

фиолетовый шар. Сбоку – ты погляди! –
прицепилась пушистая круглая брошка,
нет, накладка из кружева с точкой внутри.

Подойду, улыбнусь этой моднице милой.
Знаю, ветер с утра семена раздавал,
подшутил над цветком. Я люблюсь на диво:
дышит женскою прелестью шар-голова.

2019 г.

Осенние забавы. Самшит

В центре клумбы восседает молодой самшит.
Лаковые листики словно чешуя.
Что сегодня с деревцем? Нитями прошит.
Да ведь это паутинок мокрых кисея.

Утренний туман осел водяной капелью.
Утреннее солнце вспыхнуло, дробясь
в мелких, лёгких брызгах. Новогодней елью
показалось деревце, рассмешило нас!

Бусинки нарядные от земли до верха.
Паутинки держат их. Осени потеха!

2019 г.

Две рябины

Под ногами красные горошины.
Из какого раскатились рукава?
То дрозды-рябинники непрошенные
пировали с раннего утра.

И стоит рябина, обворована,
нет тяжёлых огненных кистей.
Вышло то, что было уготовано.
Больно жадных дождалась гостей.

Той же осенью тропинкой парковой
шла. По-летнему был ясен тёплый день.
Вижу, с невесомыми подарками
ждёт рябинка, тонкая, как тень.

Алых ягод нежные сцепления

в синеве застыли, вдаль летят.
В их полёте музыка моления,
кажется, о чём-то просит взгляд.

Две рябины мне мерещатся порой.
Думы грустные о первой? О второй?
Или, может быть, о ком-то о другом
весть несут, былым тревожа сном.

2019 г.

Снег в апреле

Утро. За окошками бело.
Снег неслышно всё припорошил.
Так хозяйка, не жалея жил,
приберётся: чисто и светло.

Днём дорожки наши потекли.
На полянках – сахар, белый снег.
Схватка с солнцем – то весны разбег,
их боренье за любовь земли.

Холод ныне слаб. Как старый дед,
продремал всю зиму на боку.
Выбрался в апреле: тут я, тут!
А зимы-то нет, остался след.

2020 г.

Первоцветы

Синюю головку маленький цветок
прямо в небо тянет. Правда, лишь чуток
стебель приподнялся над землёй. Другой,
третий рассиялся синевою морской.

Первоцветам майским холод нипочём.
Как ворота райские перед жарким днем
буйного цветения. Здесь начало, жди:
вешнего движения вестники они.

Сорвала, вдыхаю пряный аромат.
Чудится иная, давняя пора.
Я в гостях. Сестренка тронула цветы,
что зажглись в сторонке.
– Их встречала ты?

Как зовут, не знаешь? Это мускари.
Для меня мускарики. Так и говори.

Светят тихой лаской Танины глаза.
Это лучше сказки – светлый взгляд... назад.

2020 г.

Ливни холодные

Ливнем холодным обрушился май,
словно завихрилась злая колдунья.
Стонет природа: «Уймись, не замай!»
Как же! Добавила ветра плясунья.

Малый росток детским взором глядит:
солнце ему обещали и праздник.
В землю зарыться опять? Сделать вид,
что не родился, так безопасней?

Замерло всё. Даже ласточек нет.
Но ведь июнь впереди, дверца в лето.
Не обманул он, явился на свет

с коробом полным
тепла и привета.

Как же всё стронулось жить и расти!
Как развернулся росток без боязни!
Не возвращайся сюда, не грози,
холода жрица. Здесь лето. Здесь праздник!

2020 г.

Вечерняя прогулка

К вечеру сгустился аромат
скошенной травы, цветущей липы.
Выйти из калитки нас манят
зов совы и коростеля скрипы.

Прятались от солнца в жаркий день,
а теперь с печалью провожаем.
Жёлтая в полнеба солнца тень,
а его уж нет, ушло, за краем.

Тень ликует, розовым огнём

резвых облаков гоняя стаю.
Чьё еще роскошный окоём
сердце греет? Обернусь, узнаю.

Аист на столбе. День завершить
прилетела царственная птица.
Мы внизу – так, карлики, гроши,
смотрим вверх, боясь пошевелиться.

А она спокойна и горда,
на закат глядит, в лесные дали.
Два подростка, словно жернова,
крутят непослушные педали.

Встретить их наш аист не желал.
Взмах крылом – плывёт в померкшем небе.
Белым саваном под ним туманный вал
скрыл поля, луга.
То был иль небыль?

2020 г.

Предосенняя мелодия

Летит пушок, воздушный шарик.
С цветка какого уволок
его забавник-ветерок
и радость ненароком дарит?

Лица нечаянно коснулся,
пощекотал ещё один
ворсинкой нежной. Потянулся
достать до солнечных глубин –
исчез.

День целый дружно забавляли
меня летуны. Так дитя,
бездумной резвостью горя,
нас радует. И нет печали.

Внезапно ветер стал несносен.
Не танец вольный, а поток
гонимых. Ну, держись, пушок!
Дыханье чьё? Неужто осень?

2020 г.

Дождик сеется

Дождик сеется, иду
по траве зеленой мокрой
в затихающем саду.
Меж кустов протиснусь боком.

На душе покой, как сон –
предосенних дней затишье.
Капли с листьев вниз, не звон,
быстрый блеск, и мерный слышен
шорох, тёплый, дождевой.

Я в нём вовсе не чужая.
Я как ствол берёзы той,
что ветвями дождь встречает.

2020 г.

Наша бочка

Дождь по крыше, по трубе
наполняет бочку.

Утром глянешь – на тебе!

Разошёлся ночью
через край, и ручёек
светит вдоль дорожки.

Что с собой принёс поток?

Жёлтые ладошки
жухлых листьев, их сорвал
ветер, друг ненастья –
близкой осени сигнал.

А бывало... Здравсьте!

В мае жёлтая пыльца
на зеркальной глади.

Липовых семян тельца –
то июль наладит.

Глупых золотых жуков
из воды спасали.

Словом, в бочку всех даров
летних набросали.

Если надо что полить,
в глубь ныряет лейка.
У неё такая прыть:
дно скребёт злодейка.

А к зиме перевернут
бочку.
Нет её, хотя и тут.
Точка.

2020 г.

Гладиолус

Он выстроил защиту: листья – сабли
иль шпаги, непреклонны и остры.
К ним смело льнут цветы в холодных каплях
дождя, будто склонённые мосты.

Цветки в накидках чёрного атласа.
Погасшие ночные фонари?
Или головки в горе сникли разом?
Кого-то не уберегли...

Стряхнула влагу. Вздогнули, взглянули.
Огнём гранатовым запламенел их взор.
И тут случилось – солнце полоснуло
сиянием в их сумрачный костёр.

Гляжу в лицо цветка замороженно.
На чёрном фоне сине-красный свет
являет золотых крупинок лоно,
хозяйке медных гор свой шлёт привет.

Цветет на столике в моём дому.
Мне что-то говорит, а я – ему.

2020 г.

Осень-скоморох

Октябрь. Весёлый, крепкий ветер
дорвался, листьями сорит.
Порыв – их стая норовит
устроить догонялки детям,
проходим залепить лицо,
к стеклу приклеить письмецо.

Одушевлённая природа
нередко потешает нас,
как скоморох, того же рода,
в осенний, хоть и грустный час.

Когда же иней заискрится
на жёлтых листьях, на ветвях,
под тяжестью его, как птица
подбитая, падут во прах
лист за листом, в тиши шурша,
как будто тяжёло дыша.

Такую музыку несёт
замёрзший лист, его полёт.
И обнажится догола
златого клёна голова.

2020 г.

Виноград в Подмоскowie

На салфетке как явление –

винограда кисть.
Ягод плотное сцепление.
Может, аметист?

Дым сиреневый окутал
каждое звено.
Нет, не камушки на прутьях.
Вызрело оно,
это чудо, мокрым летом
на моих глазах,
словно долгая пропета
песня. Слышь, лоза?
Как ты выбросила кисти,
как они цвели,
сея инеем на листья
волоски свои.
Дни встречала, да и ночи,
с ветром и дождём.
Неприятно было очень,
лопотала: «Ждём-
пождём тепла!» Созрела
поздно, в октябре.
Так что песнь свою допела
в неживой поре.

Гроздья полные снимала
трепетной рукой.

Вот ещё, ещё. Немало!
Праздник твой и мой!

2020 г.

Май бушует

То венчального звона пора –
бело-розовое цветенье,
взлёт весеннего вдохновенья,
разудалой природы игра.

По садам – хороводы невест:
пышных яблонь, тоненьких вишен.
Хор венчальный? Слышен он, слышен!
Соловьи распевают окрест.

В эту пору беда не беда.
Май бушует в зелёных садах.

2021 г.

Лето покатилося

Вот и радость: в начале июня
щебет ласточек ловит мой слух.
Лето, лето звенит в этих струнах,
вьётся в сини небес птичий круг.

Прилетели! И лето запело,
заиграло, заплыло травой.
Отворились земные пределы –
катит валом зелёный прибор.

Не весенняя нежность и слабость –
всё могучею силой полно.
Кисть сирени к земле свою тяжесть
клонит – душных созвездий руно.

И листва не сквозит – облаками
тёмной зелени ввысь поднялась.
Зародилась и зреет над нами
тайна – лета заветная власть.

Юрких ласточек шёлковый шелест,
звон во ржи скрытых перепелов –
этой музыки знойную прелесть
будь готов слушать!
...Вечно готов.

2021 г.

Июль начало

Зной, жара. Где спрятаться –
крутится в уме.
Тень нашёл – нет разницы,
Что ж, терпи вдвойне.

Впрочем... Ты вставал хоть раз
в ранние часы?
Там прохлады про запас,
на траве – росы.
Задержался ль вечером,
как утихнет зной,
в тишине доверчивой
зорьки золотой?
Может, ночью раз озяб
у речной воды?

Освежился – и назад.
Мокрые следы.

Зной нас жарит только днём.
Спрячемся вдвоём.

2021 г.

Июль середина

Нашему молению
внял Морозко-дед.
В Северных владениях
где-то друг-сосед
ВетродуЙ.

– Гони к Москве
горы облаков.
Залежались в вышине,
сборщики паров.

И, откуда ни возьмись,
шквальный ураган.

Разродилась неба высь –
водяной таран
струй холодных и тугих
с плёткою ветров
рушил полусон больных
трав, кустов, дерёв.

– Благодарствуй, Ветродуи!
Только слишком не балуй.

2021 г.

Июль окончание

Хмури ушла, как будто сдули,
нет и бьющих жаром глаз.
Это рожица июля
в новый час.

Дни последние дарил он
тихую теплынь.
Мелким дождичком сорила
ночи синь.

Ты не сразу, друг постылый,
нас покинь.

2021 г.

По тропе лесной ходок

На прилавках всюду клюква –
красные горошины.
Собирали чьи-то руки
ягодное крошево.

– Из каких краёв?
– Тверских.
– То-то больно крупная.
Там лесов, болот глухих!

Доля многотрудная,
кого кормят огород,
лес – места укромные,
где среди лесных пород
зреет снедь съедобная.

Кто её своей считает,
встанет рано, до зари.
Сапоги в росу ныряют,
врозь бормочут: раз, два, три.

А потом летают руки
вслед за ягодой лесной
иль болотной до разлуки
с лесом мокрою порой.

Всё про ягоды. А рыжик,
груздь упругий, боровик?
В день заветный их услышат
тётка Оля, Глеб-старик.

Среди них есть и Калиныч*
с земляникою в руке.
Он поэт в душе, хоть лично
вырос на Тверце-реке.

Этим летом местный житель,
по лесной тропе ходок,
заглянул в мою обитель
и малины приволок.

2021 г.

* Персонаж рассказа Тургенева «Хорь и Калиныч». Орловские уголья. Пришёл к другу с букетом из кустиков земляники.

Прощай до весны!

Дачный рай по осени ждёт-пождёт заботы
от меня, надеется, что не подведу.
Ночью уже настезь зимние ворота:
заморозки щёлкают, иней поутру.

Днём прогонит солнце все ночные страхи.
Сад стоит по пояс в золотой листве.
– Ты надень нам всё же белые рубахи
на стволы, надёжнее будет по весне.

– Принагни пониже нас, чтоб снежок засыпал, –
шепчет мне малина. Роз колючий ряд
зацепил, напомнил. Ну, денёчек выпал!
Кто ещё мне выдаст на труды наряд?

Всё. Замкну калитку. А на сердце тяжесть:
вдруг расшвыряет зимушка-зима?
Остаются сирые. Как-то снег поляжет?
Долгий срок томит меня без вины вина.

2021 г.

Ночной снегопад

Год плетётся к завершенью –
середина декабря.
Люди ходят хмурой тенью,
лёд ругают, тьму корят.
Так закончился бесславно
и ещё один денёк.
Глянь в окно: бесшумно, плавно
начал сыпаться снежок
не случайный, проходной –
гость надолго, гость ночной.

Утром вышла – где дороги?
Снеговая целина.
Рассердилась: жалко ноги.
Но горячая волна
радости накрыла душу.

Сеть березовых ветвей,
нет, пушистых снежных кружев
в слабом свете фонарей,
в синеве всех декабрей
упадает пеленою
впереди и надо мной,
вся обвита тишиною,
вся безмолвье и покой.
Разгребая снег, несу
бережно зимы красу.

2021 г.

II Родные люди

Детство

В океане житейском

Виноградная гроздь
наливается соком душистым.
Сколько ягод спелось,
не желают поврозь,
потеснились бочком золотистым.

Вот крыжовника куст.
В тьме колючей плетеная чаша.
Дом овсянки не пуст,
голосит желтоуст
хор птенцов, как ребятушек наших.

Мельтешат по земле,
на просторах её бесконечных,
незнакомые мне
точки света во мгле —

миллионы существ человеческих.

Как среди них весело!
Жизнь кипит, ты в летящем потоке.
Но в час горя – тепло,
в день ненастный – светло
от родных! Чуешь счастья истоки?

Тот обычай простой
стайкой плыть в океане житейском –
он зовётся семьёй,
дар великий земной,
дар природы. Прими и согрейся!

Дорогие имена

Я сижу над водою
среди высокой травы.
Мотыльки надо мною
вкруг лица, головы.

И мне стало казаться:

то не бабочек лёт,
чуть касаясь, роятся
ИМЕНА – звон идёт!

Много лет они рядом,
наши, только мои.
То трещат, как цикады,
то затихнут вдали.

Новый как-то прибился.
Дима, Дмитрий. Ну что ж!
Наяву. Не приснился.
Как и имя, хорош.

Никогда не исчезнут,
до последних минут.
Светят, лепятся тесно
и своих узнают.

Марья, Анна, Иван... –
чуть развею туман.
Вера, с ней Михаил –
каждый дорог и мил.

*

В именах мотыльковых
незнакомец идёт.
Рой кружится, раскован.
Чей-то длится полёт.

Разговор с отцом

Я тебя нередко вижу в предрассветном сне:
в чёрной кепке и пальто подошёл ко мне.
От лица ловлю печали и покоя свет.
Всё живое, всё родное много, много лет.

Моим бедам сострадал ты молча, про себя.
Принимал как драгоценность все заботы дня.
Помню, пишешь и читаешь за столом в тиши.
Что-то важное решаешь для своей души.

Никого не обвинял ты на краю судьбы,
что несла мятеж и войны, «Выжить бы!» – мольбы.
Знаю, чувствую, сложился в камнепаде дней
человек большой, подспорье для мечты моей

провести пред чистым взором жизнь свою, детей,

выбраться из пут невзгоды, из её сетей.

«Время трудное» винить?

Иль стараться жить?

Красота ты моя в доме

Заглянул к нам дядя Гриша в Рождество.

Первой маме поклонился. Так светло улыбнулся и гостинец свой достал.

– Будь здорова, – молвил тихо, – лет до ста, красота ты моя в доме, красота!

Мама Аня была женщиной простой и уставшей, не блистала красотой.

Но все приняли заветные слова.

Да, права оценка дядюшки, права!

И с любовью посмотрели на неё:

светит так, что мы молчим, не узнаем.

Посумерничаем?

В деревеньке под Москвою
две девчухи – я и Таня.
Далеко завод с трубою,
с нами рядом баба Маня.
Стужа зимнею порою
заметелит окна снегом,
дом набьёт тяжёлой тьмою.
Лишь у тёплой печки нега.
В темноте сидеть так лихо,
стали ссориться, скучая.
Печь наладив, баба тихо:
– Может, посумерничаем?
Рады. На лежанку кучкой
сели.
– Сказку пострашней!
– Расскажу-ка я вам случай,
бывший в младости моей.

И журчит, журчит беседа.
Где рассказ, а где вопрос.
Раскраснелись непоседы.
Что им тьма и что мороз!

Посумерничать... На даче
слово вспомнила не раз.
Вновь гроза. Вот незадача:
ток отключен, свет погас.
Возмущаемся. Ослепли
телевизор и компьютер.
– От безделья лезь хоть в петлю! –
восклицаем поминутно.

А сумерничать не стали.
Не умели? Не желали.

Задушевный разговор

Из далёких детских дней горестный упрёк:
«Кошку-то вы любите больше, чем меня».
Лет мне... десять? Тане – семь. Это нам урок.
Почему слова нежданно в памяти звенят?

В моих грёзах бабушки Мани силуэт.
С нами от рождения рядом день деньской.
Март. Втроём отпразднуем старины завет:
будем кликать дальних птах с солнцем и весной.

Из ржаного теста птиц нынче нам печёт.
Крылышки распластаны, хвостик нарезной.
Жаворонков с торжеством (вот какой почёт!)
мы на крыше поместим кладки дровяной.

И споём «Летите, лето принесите!»

Внучек, родная, прости, жадных до игры.
Горечь слов твоих и слёз навсегда со мной.
Ты по жизни тихо шла и свои дары
раздавала не скупясь щедрою рукой.

Помечтаю. За столом мы сидим вдвоём.
Пар над чаем, ситничек пахнет молоком.
Задушевный разговор не спеша ведём.
Ты рассказывай, пойму, в возрасте таком.

Татьянин день

Позвоню негромко строчками стиха
в край неведомый, далёкий.
Светлым облаком душа – в ней нет греха –
там парит, не одинока.

В нашем детстве невозвратном, голубом
звали Танею, Танюшкой.

В день пасхальный нарядили нас вдвоём
в платья красные горошком.

А под Новый год в овчинной шубе я
с лавки падала – Год Старый.
Из сеней сестра – куранты зазвонят –
Годом-Принцем вырастала.

Выросла. Уж сына-первенца ждала.
Роскошь – тело молодое.
Что в лице её? Пусть донесут слова:
Красота Надежды и Покоя.

Придержи, судьба, свои права,
не пускай подольше время злое...

* * *

Подкатился колесом Татьянин день.
Он всегда звенел – семейный праздник!
Проберусь хоть в мыслях (несмотря на темь)
в сиротливый дом. Чужой он разве?

Вспомню, как одни сидели за столом
и о чём-то говорили,
не заметив: то не звёзды за окном –
наши годы мимо плыли...

Память сердца

День осенний, тёмный.
Что-то мне взгрустнулось.
Приласкать кого? Вдвоём поговорить?
В омут светлой дрёмы
вольно окунулась,
ухватив видений сладостную нить.

Мамочка седая
возится на кухне.
увидав меня, спешит на ходунках.
– Посмотри, какая
шаль,– сказала глухо,
гладит.
– Шаль роскошна на твоих плечах.

Не дарила шали,

ласка не звучала.

Пожалеть? Куда там, вовсе невдомёк!

Те немые дали

пережить сначала?

Но, как говорится, близок локоток...

А тебе, день скучный,

от меня спасибо.

Горькою печалью сердце обожгло.

Больно? Это нужно.

Я бы попросила,

чтоб виденье снова предо мной взошло.

Две дорожки

Там, в туманной, бездонной дали
нашей младости, нашей повести
две дорожки слились с каплей горести.

Покатались клубочком одним –
счастье стало мерцать перед ним.

Приручай же его и лови!

Но означились две колеи.

Они рядом бегут – параллели.

По клубочку над ними летели.

То глядят, а то отвернутся,
молча плачут, тихо смеются.
Очень разные – впрочем, свои.

А ведь к позднему времени вновь
стали близкими стёжки-дорожки.
Рядом, рядом уставшие ножи.
Славно! Но расставанье готовь.

Затерялся один и ушёл,
а другой себе катится с горки.
Оглянулся – взгляд грустный, но зоркий.
Давних дней расплетает он нить.
Есть вина, и её не избыть.
Что природой дано, хорошо!

Время молодых

Мои годы – итоги, итоги
до открытий: ах, так оно было?..
Одолов временные пороги,
мысли в слове крепят свои силы.

Перестройка. Распахнуты двери,
в них ломился народ угорелый.
Молодые так жаждали верить:
по плечу сильным всякое дело.

Наши парни (на «выданье» близком,
меж собою немножко родные)
что-то свили втроём. Трудно. Риски.
Врозь шагнули. А связи – нужны ли?

Семьи, в коих они зародились,
ни жилья не дадут, ни деньгами

не одарят.

– Судьба, сделай милость,
дай удачи – обдумаем сами.

Взлёт случился. Дома и усадьбы
появились в Москве, в сёлах ближних.
Дед иль прадед, наверное, рад бы
то увидеть без возгласов лишних.

Круг за кругом идут поколенья.
Хорошо, если вверх, а не вниз.
Про ступеньки есть разные мненья,
но и быт поднимать не стыдись.

Получилось. Насколько безгрешно,
я не ведаю, даль далека.
Жизнь вершили с напором, поспешно:
впереди так темны облака.

Яблонька

Посвящается дорогому человеку.

В моём саду ты выросла другой,
хотя звалася яблонькой румяной.

Соседи тянут ветви вразнобой,
и ловят солнце, и от счастья пьяны.
А ты свернула ветви в плотный кокон,
закрытый от живительного света.
Питают щедро корни сладким соком,
но им не слышно от тебя привета
и благодарности – цветком весной,
а в августе и яблочком душистым.
Судьба, направь наш краткий путь земной
стезёй Природы и простой, и чистой.
Пусть наше время все права даёт
жизнь строить по придуманным законам –
законам общества. Природа тут не в счёт?
Приму как дар её благое лоно.

Опять весна. Тихонько распрямись,
живая яблонька, лети ветвями ввысь.

Ночные дали

Остывающий ноябрь.
Тьма и морось за оконцем.
Без зари уплыло солнце,
как неведомый корабль.

Огоньки бегут гурьбой
рядом, вдалеке, за краем.
Мне мигнут:
– Оберегаем
тёплый трудный мир людской.

Я по ниточке огней
полечу мечтой на север,
к Волге. Стукну тихо в двери
взрослой дочери моей.

Дом её благословлю
в набежавший день рожденья.
Растоплю ледок сомненья
словом, как лучом, «люблю».

Так спасибо, огоньки,
что меня с собой позвали
одолеть ночные дали.
Утром... Утром, что ж – звонки!

Возле дома твоего

На скамейке возле дома
бабушки сидят.

Некто холодно-нескромный
молча бросил взгляд.

Шапка серая на тётке,
куртка – тот же цвет.
Ей, чудной, по быстрой смётке,
семь десятков лет.

Он не знал: сдержать порыва
бабка не смогла,
нежным взглядом проводила
парня до угла.

На сынка похож родного,
нет его давно.
«Я живу, хоть жизнь сурова,
спорить не дано.»

Только где набраться силы...
Бог ей подсказал?
Боль любовью затворила.
Ожили глаза.

Внучку милую ласкает –
от сынка росток.
Что ей любо, помнит, знает.

– Принимай, всё впрок!

И соседи не чужие.

– Может, чем помочь?

Пригляжу (дела большие!)

за дитём, не прочь.

По-осеннему чуть греет

печка-солнце нас.

В сердце старом пощедрее

доброты запас.

Перед сном

«Только детские думы лелеять»... /Осип
Мандельштам/

Позвоню я бабе Вале перед сном.

Дня с дождями жаль едва ли, кувырком

прокатился, как и не было его.

Всё ж спрошу, всяк жил-дышал, не без того.

– Вечер добрый, – светлым голосом в ответ. –

От царя Салтана шлю тебе привет.

Наши мультики уж больно хороши.

Только поздно, спят, как должно, малыши.
Зато нам, старушкам, поглазеть не грех.
Сказка – доктор, успокоить может всех.
Посветлел в моей душе промокший день,
что согнул всю нашу зелень набекрень.
А что детским называется канал,
справедливо. Кто меня сейчас видал?
Я сама с собою малое дитя.
Вот гляжу, смеюсь и плачу не шутя.

– Спать пора, – я бабе Вале говорю
и скорей включаю, сказку досмотрю.

Там, на Украине...

Две бабульки – одна внучка,
только лишь одна.
Замуж вышла, куда лучше!
Чья, скажи, вина,
что избранник в Украине?
С чубом и усат.
Внучка там же. Нет унынья,
есть любовь и лад.

Бабушки осиротели,

Маша далеко.
Их звонки – капель в апреле
в старое ведро.
Повидаться бы – не можно,
поезд не идёт.
У властей с Россией сложно.
А причём народ?

Любим Машу, любим Диму,
город Борисполь.
Не видали третью зиму,
вот терпи изволь.
Раз не так – спроворим эдак!
Всё, посылку шлём.
Что по вкусу внучке, ведать
им дано вдвоём.
Шоколад литой, орехов
разные сорта.
И носочки не помеха
в зиму. Красота!
Диме тоже бы неплохо,
уточним размер.

Как откроют, будут охать,
радости без мер!
Счастье бабушек поболе:

с внучкой обнялись
через горы, лес и поле,
через глубь и высь.

Лик мне снится

«Ты в семье, а я далеко. Лиля ещё дальше. Как живёт? На что? Но «огоньки» есть. С надеждой на них будем терпеть.» Из фронтового письма брата отца.

Фотографии в папке заветной –
круг родных и пригожих друзей.
Наш семейный архив, самый первый.
Там и наш след, резвухек-детей.

Из годин отшумевших, бывает,
чей-то облик всплывёт и судьба.
Довоенного мирного края
лик. И песня, а может, мольба?

Бесприютна средь рожиц российских
южных горных земель красота.
Чёрных локонов линия, мгlistый
сумрак глаз и без ласки уста.

Уходя на войну, дядя Сима,
сердцем больше скорбел о жене.
В сорок третьем надежды скосила
пуля злая – вдвойне, нет, втройне.

К нам шли грустные письма от Лили:
одинокство, горе, болезнь.
Ей досталось оплакать все были –
века горького горькая песнь.

Из годин отшумевших, далеких
грустно смотрят глаза на меня,
тихо движутся той же дорогой,
рядом, словно дыхание дня.

Дань любви

Только дверь, толкнув, открою,
кто стремглав летит встречать?
Пёсик славный. Хвост трубою,
в глазках нежности печать.
Резво прыгает, ласкаясь,
норовит поцеловать.
Ждёт такую же без края
дань любви. Спешу отдать.

Дело кончив, у камина
на подстилке прикорнул.
Кот степенный вышел, кинул
взгляд на пса: «подвинься, ну!»
Пёсик мой без проволочки
на холодном лёг полу.
Кот довольный рожу скорчил –
пёс печально мне мигнул.
Он отскочит и от миски,
если Барс наш подойдёт.
Доедает после киски.
«Я не гордый, добрый – вот!»

Помню существо такое,
всей душой его люблю.
Но когда в себе открою
тот характерец, терплю
муки адовы. Негоже
быть податливым, как воск.
Все на рабский мир похоже:
слабый дух, невзрачный лоск.

Говорят, характер – доля,
он судьба. Что ж, верно, так.
Но пусть рядом и подоле

поживёт такой чудак!

В день апрельский на скамейке

В день апрельский на скамейке
нежится душа.

Солнца золотые змейки
щекотать спешат.

Вдруг коленки ощутили
мягкое тепло.

Пёс доверчивый и милый
на меня
светло,

дерзко глянул, вопрошая:
– Ты откуда здесь?

Плоть роскошно-молодая,
ласка в ней, не спесь.

Вертится его головка,
уши-лопухи.

Разудалая сноровка,
будут и грехи!

Шёл неспешно парень стройный,

голову склонил,
поздоровался достойно.
Рыжий что есть сил –
вслед. А ведь сюжет забавный!
Пёс решил: я друг,
это понял и хозяин,
и замкнулся круг.

Будь здоров и счастлив, Рыжик!
Ты подарок мне –
солнышком скатился с крыши
нынче по весне.

Сосны над Обью

Шаг пружинит на хвое,
тонкой веткой хрустит.
Запотели от зноя
сосны, плачут смолою.
Замер щебет и свист.

Дух подсушенных шишек,
медно-рыжей коры.
Нет, не так жарко дышат!

Я мощней запах слышу,
помню – с давней поры.

Рядом с Обью-рекою
на крутом берегу
детский лагерь построен
был (тогда ещё воин
нёс погибель врагу).

Аромат же сосновый,
той земли красота
открывались, готовы
нас одаривать
снова и снова,
оставаясь в душе навсегда.

Бег по шишкам нагретым,
сосны, сосны и Обь...
Помнят бывшие дети
то сибирское лето,
когда длилась приветно
дятла звонкая дробь.

* * *

Нас военной порою

на восток занесло.

К дому рвались, не скрою,
жаль, в Сибирь вновь с тобою,
друг, попасть не пришлось.

Окошки в детство. Речка Курица

Утро. Чай – потом! Бежим на горку.
Там стеною золотой песок.
Солнце то посматривает зорко,
то уйдёт в берёзовый лесок.

Замок с садом (из кривых травинок)
строим. А сломают – не беда.
Прискакали Валя, Таня, Зинка.
С визгом – к речке, где блестит вода.

Спрятали обувку здесь, в осоке.
– Под мостом пройдем?
Пошли гуськом.
Поначалу осторожно ноги
шарили по дну, все ж босиком.

Вот и мост. Машины сверху мчатся.
Тут темно. И гулко бродит звук.
Холод до волос успел добраться.
Слышен сердца частый-частый стук.

Вышли как из злого подземелья.
И светло, и зелено вокруг!
– На ноге пиявка!
Да, успели
повисеть у каждой из подруг.

Понеслись, лишь ноги засверкали,
вдоль речушки Курицы домой.
Долгий летний день едва в начале.
И в начале праздник мой земной.

Романиха. Четыре времени года

Березняк Романихой зовётся.
В центре наша школа – добрый дом.
По ВЕСНЕ сюда прийти неймётся:
пахнет клейким молодым листом.

ЛЕТОМ, лишь прольётся дождик щедрый,
мы бегом окопы осмотреть.

В сорок первом рыли их усердно,
а сейчас осыпались на треть.

Под сухой травой на самой кромке
пуговок-свиношек пёстрый ряд.
Шутим, собирая их в котомки:
– Гляньте, наши головы торчат!

ОСЕНЬ тёплая листвою опавшей,
шумом, хрустом забивает слух.
Мы подошвами сухой настил пропащем.
Ворохи взлетят – захватывает дух!

Соберём «стога». Охапку! Выше!
Падаем, зарывшись с головой.
По мешку несём домой. Под крышу
лист насыплют, чтоб теплей ЗИМОЙ.

Снежную порой на детских лыжах
обойдём по кругу: «Лес, привет!»
Вниз по склону – к спящей речке ближе.
Ближе к дому, где в окошках свет.

III Коль проснулся, позволено жить

Наше бытие

На рассвете

Коль проснулся, позволено жить.
Разве это не чудо?
Натянулась рассветная нить –
злата солнца причуда.

Ночку пряталось. Смотрит глазком
из-за тёмной завесы.
Вдруг подскочит и – кувырком
по дорожкам небесным,

чтобы снег молодой разбросал
световые иголки,
чтобы детских ватаг голоса
допоздна не умолкли.

* * *

Чудеса! Удивить поспешит
внуков бабка-природа.
Да не в прок то: тесно для души,
одолели невзгоды.

Заскочить бы в карету судьбы
с воронными конями.
Ждём и – шлем всемогущим мольбы.
Счастье где? За горами...

Можем хитрую сказку сложить
про зубастую шуку.
Вот такую бы нам изловить!
Как же, сунется в руку.

* * *

А пока просыпайся, чтоб жить.
Накалилась рассветная нить.

Наш пёстрый мир

Предновогодняя Москва.
Кузнецкий. Вынырну на волю,
на божий свет «из-под моста».
В толпе гулять себе позволю.

В сиянье праздничных огней
смеются лица молодые.
И строгий город много дней
хохочет! Где там пандемия?

Всё больше странных милых лиц.
Смотри: как будто та Лукерья
(вертела карты вместо спиц
и воздыхала от похмелья).

А это Печкин! Точно он.
Нос, усики и глаз суровый.
Шабаш!
Солидных среди имен
я поищу. Они основа.

Вот это странно! Не хочу!
Влияет новогодний вечер?
Не только. Яркую свечу
зажги в людском потоке млечном.

Смешные, глупые до слёз,
пестрит от них планета наша –
не для одних роскошных роз,
рай для репейников, ромашек.

И это счастье – пёстрый мир,
где непричесанный, не светский
лишь для своих друзей кумир
ласкает взглядом хитрым, детским.

* * *

В искусстве веский бриллиант.
Сверкает с краешку – талант.

На ласковой пристани

«Прожила жизнь неяркую, обыкновенную.»

/Признание подруги/

Живёт человек в суете,
и как ему, бедному, может
смешить после бед и утех
сквозь слёзы сияющей рожицей?

Шлейф дней, завиваясь в руно,
растёт и тревожит сознание:
там, в центре, алмаза зерно?
Нет! Гальки речной – вот признание.

Сверкает иная судьба
талантом для дела заметного.
Твоя
среди тысяч
тропа
беззвучна, почти что бесследная.

Обида? Скорей, на себя.
Силёнок хватило для малого.

Постой! Дай взглянуть на тебя,
на всех
с края ближнего – правого.

* * *

Истории новой шага
волнуют,
глядим вслед им пристально.
А сами свой мир искони
лелеем на ласковой пристани.

Где светится любящий взгляд,
где друг ободрит ловкой шуткою.
По малой орбите летят
минуты твои за минутою.

Без пристани ты сирота,
хоть славы достиг, славы истинной.
Сердец дорогих теплота –
награда не меньше. С ней выстоим.

Где-то с краю

– Снимок давний. Здесь молоденькие все.
– Славный, славный. И Тимур во всей красе.
Где же ты?

– Да вон макушка и глаза.

– Тянет спрятаться? Таких теснят назад!

Хлопнул дверью гость мой редкий. Я одна.

Помахала вслед рукою из окна.

И задумалась, задел его упрёк.

Загляну в альбом, другой. Ещё листок.

Сердце сжалось: среди друзей, коллег стою
где-то сбоку, сзади, в общем, на краю.

То не случай, а взращенная черта
уступать другому. Слабость? Доброта?

Чуть напор в житейском деле – отойду,
а опомнюсь – горечь за свою беду.

Говорят, в далеком детстве вышел слом.

Не припомню. Может, то родной геном?

Что ж, судьбы моей он вывел колею.

Знаю всё, но до сих пор на ней стою.

Как непросто смолчать

Как не просто смолчать, не сказать. Согласиться?

Не пустить от себя эту птицу-синицу,

что трепещет в душе и готова лететь.
А ты кинула плат и захлопнула клеть.
И живешь, отбиваясь от частых звоночков,
понимая: молчание неправомочно.
Ведь в той маленькой птахе любовь без конца.
Разве могут обидеть сиянье лица,
теплота добрых рук, больше – тихое слово?
Что ж, услышать его ты опять не готова.

* * *

Я внимаю уверенным, долгим речам.
А словцо оброну – сотня стрел сгоряча.
И молчанье моё порождает волненье –
как слепит тебя, ранит «неправое» зренья!

Всё дарует белый свет

Протянуло солнце тонкие лучи,
выбираясь из застывших облаков.
Отворили звонкий день его ключи,
сон прогнали мой – небытия покров.

Он так дорог, теплокровный мир земной.
Но рождается в мгновенье ока боль,

след привычных, неизбывных бед. Такой
прицепился шлейф и не меняет роль.

Приняла нелёгкий крест и за дела.
Всякая живая тварь их углядит.
Вон синица у кормушки, хоть мала,
а без звона её март не прилетит.

Отпустила боль, свернулась в колобок.
С ней освоим долгий суетливый день.
Как он сладок пестротой своих забот!
Смейся звонко и трудись, коли не лень.

Но бывает, глянешь в чьи-нибудь глаза
в час весёлый – помутнели, не блестят.
Боль уводит в тьму души, где жжёт слеза.
Выдал тайну нам тревожный, скорбный взгляд.

То на сцене Арлекино и Пьеро.
В жизни он один, поверь – не врёт перо.

А случается судьба без слёз и бед?
Хоть на время?
Всё дарует белый свет...

Добрый день

Солнце светит без помех,
жар с утра.
За постель держаться грех –
жить пора.
Поразмыслию, много ль дел
набралось.
Их исполнить кто посмел
на авось?
Завертелось ног и рук
колесо.
И пошли заботы вдруг
полосой.
С ними справилась, а как,
невдомёк.
Мастерить спешит рука
(мой конёк!)
одеяло, что ковёр
из цветов,
из лоскутьев. Вот узор
и готов!
Глажу рук своих и глаз
волшебство.
Для внучонка в этот раз,
для него.

Полоснул глаза закат
расписной.
День был труден, но богат.
Он со мной.

Старые вещи

В моём доме их много,
привыкаю к вещам.
Вот стоит недотрога –
мебель, вовсе не хлам!

В цех пришла разрядка:
одна стенка на всех.
Жребий брошен. Порядок!
Мужу выпал успех.

Крики радости, споры,
как собрать, разместить –
дней ушедших узоры
и житейская прыть.

* *

В холодильнике старом
больше снеди любой,
чем когда-то лежало
для семейки большой.

...А теперь для одной.

Он наказ, кем-то данный,
выполняет. Притом
знает: сверхдолгожданный
был, достался с трудом.

Сколько дней отмечались
у заветных дверей!
Уходили в печали
от недоли своей.

* *

Вам расскажут о многом
люстра, рыжий ковёр.
Задержались в дороге,
на посту до сих пор.

Их, товарищей верных,
прогонять не хочу.
За окошком день меркнет.
Они спят. Я шучу.

Благословен и день забот*

Листаю заветный альбом,
где лица мелькают родные.
Над длинным корытом с бельём
раскинуты руки больные.

То бабушки Мани страда,
часть жизни её от рожденья.
Здесь каждый был пленник труда,
безгрешного долготерпенья.

В нём плавился стержень души,
ритм жизни окреп и дыханье.
Судьбину корить не спеши,
ведь праздность – страшней испытанье.

Не держит она на плаву,
того гляди, в омут утянет.

Свободы мираж наяву
бедой обернётся, обманет.

Дела и заботы как дождь
с грозой, благодатный и щедрый.
Пролейся и волю тревожь
в день поздний не меньше, чем в первый.

* В заглавии слова из «Евгения Онегина».

Катится автобус

Катится автобус – полный
коробок.
Заняла семья укромный
уголок.
Мама стройная, как тополь
южных стран,
дочки малые поодаль.
Строгий дан
им указ суровым взглядом:
не шалить.
Тут старушка встала рядом.
Усадить
мать спешит. Народ всё валит.

Стар и слаб

мужичок теснится, палку
в горсть зажав.

Мама тронула девчушку
за плечо,
обняла свою малышку
горячо.

– Вы садитесь.

– Нет, зачем же,
постою.

Глянул грустно, сел, помешкав,
на краю.

Что-то вспомнил и – в котомку.

Шоколад

тянет милому ребёнку.

С лаской взгляд.

Покидала я автобус, тесноту.

Но с собой несла душ светлых доброту.

Врач

Елене Леонидовне Морозовой

Срок пришёл немного полечиться.

Жду, скучаю, скоро ль мой черёд.
Белые халаты взад-вперёд
пробегают. Всё чужие лица.

Я б хотела увидеть её,
худенькую, быструю. Заботы
на лице усталом: мучит что-то.
Пряди рыжеватые вразлёт.
Нежный лик и тонкие черты –
эхо прежней тихой красоты.

Жизнь врача, да просто человека,
что несёт, как должно, свой обет,
не считаясь, кто ты, как одет –
он всегда поможет, строгий лекарь.

Здесь не встречу. Время пожалело.
Хватит ждать чужого сердца стук,
думать, как спасти от тяжких мук
старика. Есть, есть всему пределы.

Может, встречу в городе однажды.
Издали сердечное спа-си-бо
прошепчу. Уж сколько лет есть силы
по земле легко ступать
день каждый.

Молодые господа

Дверь открыла: предо мной
молодые щёголи.

И костюм, и галстучек модный –
хоть куда!

Очень важный разговор
и недолгий прочили.

– Что ж, входите и садитесь,
господа.

Старший закрутил слова,
словно стаю галочью:
образованны, юристы,
в фирме на счету.

Плотный, радужный туман
ловко сеять начали.

Я – о деле, долго слушать
мне невмоготу.

Покидали дом ни с чем
шустрые мошенники.
Но с обидой гордою:
не поверить им!

Жалость жгуче-горькую
эти современники
породили, обманув
обликом своим.

Нет работы никакой?
Предложили странную:
граждан уговаривать
на крутой расход.
Мудрые психологи речь вести
пространную
научили и толкнули
«с песнею вперёд».

Сжались души их до точки.
Совесь, честь мужская –
«не для жизни зрелой,
детские слова».
Сколько их таких сегодня,
мать-страна родная!
Не болит ли у тебя
горе-голова?

Звучит и мучает строка

Несчастлива та страна, которая нуждается в героях. /
Брехт «Жизнь Галилея»/

Звучит и мучает строка.
Счастливый край в тумане серебрится.
Там мирно дремлют облака.
У спящих безмятежны лица.

Скользит мой взор к родной земле.
В заветный май взлетит над городами
Бессмертный полк. Он умирал в огне
сороковых – герои, наше знамя.

Судьба моей страны горька.
Вожди и в мирной жизни призывали:
– Даёшь сверх нормы уголька!
Хлеб целины! Средь топей магистрали!
Невмоготу? Но ты герой,
так поднатужься, крепко стой.

А где-то молча ставят сруб,
возводят крышу, дом-отчизну строят.

Здесь главный витязь ценит труд,
спокойный разум. Сладят без героев.
Услышала я песнь чужой земли,
где в синеву тюльпаны вознесли.

* * *

Но жизнь сурова, требует героя,
как молнии полёт.
Звать в будний час не стоит.

Какие мы сегодня

Митинг. Тысячи людей на Тверской.
Мирно движется поток сам собой.
Что-то высказать хотят. Слушай, власть!
Несогласная волна поднялась.

Разглядели, знать, обидную ложь,
что исходит от московских вельмож.
С ней смириться – вновь унижить себя.
Мы другие, с нами эдак нельзя.

Мы другие... Ну, а там, наверху?
Всё по-старому, их лица в пуху.

Власть на йоту отдать? Ни-ни-ни!
Что ж, по-царски «казаков» пригони.

Навалились в чёрной форме до глаз...
на сограждан? Да, рука поднялась.
Пригибали головы до земли.
Руки, ноги на весу – волокли.

Пострашнее заживевших чинов
эти парни в полицейской броне.
Им заплатят, стимул вовсе не нов.
Совесьть? Прочь её, зарплата при мне.
То напасть-яга летит над страной,
души мёртвые плодит чередой.

Как в праведной семье

Всему живому на земле так трудно:
зимою волку, в ливень муравью.
Хоть человек считается разумным,
виляет путь его у бездны на краю.

Мы всё-таки живём (с оглядкой робкой),
вымаливая мирные года,
деньжат своих распределяем стопку,

чтоб воспарить до моря иногда.

Но знаю: тут и там, далёко, рядом,
(ты приглядишься-ка!) вон за тем окном –
беда, болезнь, ребёнок-кроха. Адом
жизнь обернётся, без надежды дом.

Помочь ребёнку нас зовут с экрана.
Сбираем деньги. Сколько за бортом
осталось? Может, чудо-парки рано
роскошные плодить? Их – «на потом»?

Как в праведной семье...

Ещё мечтанье мучит непростое:
скромней иные храмы украшать,
направить нашу лепту на святое,
Наставника Благого не предать.

Как в праведной земле...

Високосный год

Завершает декабрь странный сумрачный год.
Он о снеге забыл у начальных ворот,

майских радостных дней хоровод не впустил –
дождь дни, ночи хлестал, выбиваясь из сил.

Это... так, год споткнулся – беда-то в другом:
Невидимка проснулась. Человеческий дом
беззащитным стоит. Что там слава ракет!

Пандемия.

Пред нею разут и раздет
президент и кассир в магазине моём.
Мир нарушен. Воюем, страдаем? Живём.

Год – жестокий учитель, может, стоит понять:
мы как в тесном доме на Земле. Воевать?
Только с общей бедою, таким вот бичом.
Не грозиться соседу «огнём и мечом».
И «престижные» детские игры избыть.
Мы, Природа – заглавная тонкая нить.

В церкви

Храм заполнен. В пространстве
мерно голос звучит.

Вновь волнуют убранство
церкви, свечек лучи.

Слышен хор в отдаленье

за притихшей толпой.
Это стройное пенье
словно глас неземной.

И душа устремилась
вслед за звуком в полёт.
Ей оказана милость:
ослабел тяжкий гнёт
ссор, обид, озлобленья,
неурядиц – всех бед.
Канут эти мгновенья,
но останется след.

В суете бесконечной
вдруг замедлишь разбег.
Распрямишь свои плечи –
заплутал человек!
Человек? А недавно
что сказал, как решил?

Служба движется плавно.
Дай мне, Господи, сил
сделать шаг в это утро
к чистоте бытия.
Мир устроен премудро.
Но не мы... И не я.

Два посещения монастыря

Перед храмом, распятым войной,
мы стояли. И камни-обломки,
что лежали под серой стеной,
нам кричали: «Ты слышишь, потомок,
адский грохот полвека назад,
когда русских умельцев творенье
разрушалось и долго плыл смрад
по полям, разорённым селеньям?»»

* * *

Я сегодня вхожу в монастырь
тихим шагом. День майский ласкает.
Зеленеют трава и кусты.
Звон пасхальный от края до края.

Колокольня летит в небеса.
Вот и храм белым облаком снежным.
Возродился, стал лучше, чем прежний?
Смело новая блещет краса.
Он стоит на просторе земном,
окруженный высокой оградой

и таинственных келий парадом.
Там, внизу, речка Истра выюном.

Выхожу из притвора. Скамья,
Посижу, молча благословляя
мастеров, труд их всюду сверкает.
Они дальним умельцам родня.

о припомнилась мне – почему? –
деревянная церковь в лесочке
под Калугой и служка в платочке.
Мы в святую идём полутьму...

Рядом с человеком

Когда пробьёт последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них.
/Ф.И. Тютчев/

Раскаты грома с огненной стрелой
повергли ниц дикое племя.
– О горе! Бог жрецам не внемлет,

в нас мечет раскалённый кремний.
За что ты ныне грозный, злой?
Заколем в жертву нежную овцу.
Песнь вознесём владыке и отцу.

Века, века промчались, как поток
с высоких гор. Совсем иная
земля под солнцем расцветает.
Храм, церковь... Нет конца и края
сим куполам на запад, юг, восток.
Боязнь расплаты за грехи – тот страх
живых пред Богом повергает в прах.

Пять сотен лет сверкнули и – долой.
Уже пылят вокруг Земли ракеты.
Вселенную терзает скорость света.
А я... надеюсь: Бог, его заветы
как руки добрые над головой.
Всяк без него что голый на ветру.
Бездушный мир ведёт свою игру.

Вербное воскресенье 2020

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ! Красное число.
В моём доме в это утро солнце расцвело.

Покрутившись весело, хоть и карантин,
окнам я дала свободу от любых гардин.

Вспомнила: и вербочки целы у меня
с прошлого, но памятного голубого дня.
Храм, как улей, полон был тесною толпой.
Красных веток лес душистый плыл над головой.
Дождь обрушился на нас, дождь святой воды.
Улыбались, утирая щёки, бороды.

А сегодня я одна дома, в тишине.
Засветить лампадку надо, станет легче мне.
Звон мобильный – шлёт экран вербочек букет
от детей и от тебя, двадцать первый век.

Я человека отыскать хочу

К творенью присмотреться своему
спешит Создатель с вышних облаков,
рассвет торопит, прогоняет тьму.
Заискрился росой земной покров.

– Не Человека вижу, а Народ.
Размножились, всё сущее теснят.
Поодаль бойкий кружит хоровод –

то Нации свой занимают ряд.

Оценивают судьи скопом всех.

Иной народ изгоем назовут,
другого восхваляют за успех.

Трезвонят злые вести там и тут.

Спустишь пониже, в круговерть Толпы.

Все как один, похожие до слёз.

Адам, явись, мне очень нужен ты
и Ева, плод твоих греховных грёз.

Я Человека отыскать хочу,
как Диоген, что днём зажжёт свечу.

То звание не терпит уз и пут.

Подняться До Себя – завидный труд!

Вот ими должен править Бог и царь.

То сбудется? Иль, может, было встарь?

IV Человек и время

О времени и о себе*

Время выдумал он, человек,
по подсказке гуляки-светила,
по явлению зеленокрылой
май-весны, где недавно был снег.

И со мной происходят, и с ним
сладко-горькие метаморфозы.
Жить бы, жить – уходить надо. Проза
жизни нашей, однако грустим.

Вот на этом бы и замолчать.
Но он так разбежался по свету,
человек, – места чистого нету.
И на всём даты, словно печать.

Время. Можно ль потрогать рукой
сей предмет? Кажется, приходилось.
На дороге в Помпеях влачили
две, как тень, колеи под ногой.

Раскроила когда-то арба
тяжким грузом сырую дорогу.
Как прохожий я жмусь понемногу,
в мёртвые упираясь дома.

Вильнюс. Долго стою на мостках
над глубокой разверстою ямой.
Мостовая булыжная в раме,
стен остатки, угли в очагах.

Короля Казимира звезда
засияла тогда над Литвою.
Вопреки неживому покою,
всё кипело, как в улье, тогда.

* * *

– Сколько времени? – трепетный взгляд
на часы. Охнешь: не опоздать бы!
Это молодость. Дни, словно братья,
рядом вольно, с улыбкой летят.

Позже меряем время не так.
Годы, век – остальное пустяк.

*В заголовке строчка В.В.Маяковского.

Есть и Было. Рим

Я стою среди развалин имперского Рима
и уйти не могу.
Прирастают камни опавшие
зримо
в воспалённом мозгу.

Возрождается Ростра, храм Весты – весь Форум
в блеске нового дня.
Помогают
той книги слова и узоры,
что в руках у меня.

На прозрачных и тонких заветных листочках
проступают едва
Рима давнего контуры и оболочки –

памятные места.

Накрывают туманом разрушенный город,
он на фото живой.

И две тысячи лет – как неведомый ворот
проскрипел надо мной.

Есть и Было. Есть – Будет.

Тревожит загадка,
тянет вечный магнит.

Полистаю – взгляд ищет воскресшую арку
и над храмом
парит.

* * *

О моём городке книжку можно такую
нам создать? Вот мечта!

Мы другой, победней, помним землю родную,
но была Красота.

Есть и Было. Подмосковье

Не церковь малая – велик собор

построен на земле волоколамской
во вкусе пышном греко-итальянском.
Колонны перед входом. Вскиньте взор –
ротонды купол и окон дозор.
Приделы слева, справа. Монумент!
Чей щедрый дар и гордости момент?

Перелетим на двести лет назад.
Знакомого мы не узнаем места.
Воображение рисует дерзко
усадьбу графскую, и парк, и сад.
А в центре храм, величествен и свят,
с блистающим крестом среди облаков
и песней колокольных голосов.

Невидимо проходят дни, года.
Враждебных вихрей закружилась стая.
«Эх, без креста!» – и старый мир растаял
почти бесследно.
Так что, господа,
он не собор теперь, а склад. Беда:
внутри, снаружи всё пошло вразнос.
И с кровли в небо – рощица берёз.

Я рядом с храмом-старцем много лет
хожу по незавидному посёлку.

С хрущёвками смешались избы. Толку
в той смеси мало или вовсе нет.
Мне чудится, исходит тихий свет
от старца древнего, свет и печаль.
Возьми его к себе,
былого даль.*

*Троицкий храм построен в селе Большеево в 1812 году графом Львом Кирилловичем Разумовским. Фото подлинное.

Из дома в дом

Так происходит с домами: мы покидаем их, и они
умирают.

/Юрий Трифонов «Исчезновение»/

За Уральскими горами, за ого! годами
жёлтый огонёк мигал в маленьком окошке.
Кем-то слепленный домик, как в тайге сторожка.
Но тепло, в печи гуляет над углями пламя.

Далеко война и горе. Дети, что мы знаем...
Почему отец и мать на завод уходят?
Бабушка слезу смахнёт – не шалили вроде?

Суп вечерний на столе называет раем.

Шесть годков здесь прожили. Дом, прощай, спасибо.
Знаю, нет тебя, ты был странный, некрасивый.

*

Снова в стороне родной, в милом Подмосковье!
Пол-избы нам от родни, щедрый огород.
Так же печка в полстены (что ж, один народ).
Ей не уголь, а поленца мы несли с любовью.

Дни послевоенные, скудные, но помнится
детство деревенское – яркое, как солнце.
И дорожка долгая в школу. Ну и что ж!
Разудалою гурьбой шли, коль день хорош.

*

Всё ж раздобрился завод: в городе жильё!
Три семьи устроили тесный быт неброский.
Керосинки. За окном мёрзлые авоськи.
Слава Богу, мирное было здесь житьё.

*

Дома нашего в деревне нет уже давно.

На краю стоял – дороги новой поперёк.
Двухэтажной коммуналке тоже близок срок.
Проезжая, взгляд кидаю в мокрое окно.

Он ещё стоит, сиротка. Рядом лес,
перед ним горой дом новый до небес.

Вчерашний день

Первое зёрнышко склёвано птицей.
Первой минутой отмечился день.
В мягких подушках упрятаны лица.
В теле разбросанном нега и лень.

Миг, что родился, уж тянет соседний.
Дня молодого летит колесо.
Не замечаю его, как осенний
дождик, заботы пошли полосой.

Только вечерней усталой порою,
видя, как зреет в полнеба закат,
я загрущу, веки тихо закрою –
кончился дня суетливый парад.

Всё пронеслось: нежность раннего утра,
праздник природы в полуденный час
и утихание вечера мудрое –
всё, что играло так близко от нас.

Звонкое детство моё за горами,
в знойный июнь за горами и снег
ночи февральской. Но рядом, за нами
стихнувший день.
Он ушёл. И навек.

Воскресшая песня

Ты на прощанье мне сказал «До завтра».
Я помахала вслед тебе рукой.
/Песня середины XX века/

Пропала песня вместе с юностью моей,
но вдруг проснулось слово... два... две строчки.
Вслед – музыки чуть слышные звоночки
сплелись в простой мотив – всё внятней, всё живей.

Захолонуло сердце негой молодой,
до боли сладостной – живёт и дышит.
День нынешний, примолкни, тише, тише!

Воскресший день, сияй, люби и пой!

Весеннею грозой мгновенье пронеслось,
но эхо длится вслед девичьей песни.

Душе ожившей что-то стало тесно:
лаская, мучает неожиданный гость.

И только век спустя

Журнал старинный «Нива» – реликвия друзей.

Двадцатый век. Начало. Стараюсь понежней
листать его страницы (по краю бахромы).

Реклама! Шрифтом ярким бьёт по глазам она.

Охотничьи собаки, английские духи,
вот бочки из железа, поверьте, не плохи.

Захватывает жизни ушедшей аромат.

Какие фотоснимки! Толпа, а тут парад.

Романовы ликуют: трон держат триста лет.

Вот царь с крыльца нисходит, он радость, гордость, свет.

Я вдруг остановилась,
оборвалось кино.

Очнись же, сделай милость:

их всех – всех! – нет давно,
до малого сыночка!

Да, были и ушли.
Их мир пропал. И точка.
Исчез с лица земли.

Природа нас щадит. Всех разом, как в Помпеях,
надеюсь, не сметёт. (А бомбы? Не посмеют!)
Она и гасит нас тайком, поодиночке.
И веку края нет. И жизни путь упрочен.

И только век спустя...

Читая мемуары Набокова

Пролетит нежданной искрой
слово дерзкое, живое.
Странный образ, беспокоя,
промелькнёт виденьем быстрым.

*

Жизнь что све-то-вая щель
в беспросветной и безмолвной
в чёрной вечности прискорбной.
Словно приоткрыта дверь.

*

А душа... Она снаружи,
стонет: пусто ниже, выше.
Дра-го-цен-но-сти не сыщет –
сво-его уг-ла в сей стуже.

*

Я живу. И неба синь
надо мной. Стихи слагаю,
я себя о-сво-бож-даю
от всего, что дарит жизнь.

На кромке бытия

Цветёт мой сад.
Иду меж яблонь белых,
в душе довольство: будут и плоды.
К лицу наряд
летающим веткам. Смело
раскинулись вверх, вниз – на все лады.

Запнулась вдруг:

тут яблонька больная.
Сошла кора почти на полствола.
Не ветви, рук
упрямство простирая,
из сил последних вздох – и расцвела.

Букеты? Нет.
Отдельные глазочки
рассыпались нечасто по ветвям.
Не скрыт скелет,
что мёрз средь зимней ночи.
А всё же, яблонька, являешь радость нам!

* * *

Свершило лето труд свой благодатный.
От яблоч ветви гнутся до земли.
Ковёр травы под ними в ярких пятнах
опавших, спелых... Наклонись, возьми!

А наша яблонька? На ниточках повисли,
как мячики, несмелые плоды.
Уж начали белеть, приятно кислы.

Спустя неделю, загляну в сады.

Пред мертвым деревцем стою оторопело.
Все листья чёрные, белеют лишь они,
плоды его. Последнюю пропело
песнь жизни. До конца. Теперь гаси огни.

Не так ли и актёр свою играет роль
на кромке бытия. Миг – он ещё король.

На сцене Щелкунчик

Дано мне тело, что делать с ним,
Таким единым и таким моим.
/Осип Мандельштам/

Слышу: гармоничные звоночки
заиграли вдруг наперебой,
и над сценой новогодней ночью
белых хлопьев закружился рой.

Растворились горести дневные,
в музыке метельной заблужусь.
Сцена распахнулась, тут иные
чудеса! Гляжу – не нагляжусь.

Крутится, беснуется «Щелкунчик»
под разливы музыки Петра.
Юношей и дев здесь стаи, тучи.
Их сегодня праздник, их пора!

Блещет расцветающее тело
невообразимой красотой.
Вот чем жизнь нас наделяет! Смело
принимай великий дар земной.

Зритель в темном зале замирает,
стар и млад. Расцвет – он будет, был.
Юным быть «до самых до окраин»
даже дерзким... не хватает сил.

Не стареют разве только боги
эллинов и в храме, и в стихах.
Но модель – живые руки, ноги –
уходили в вечность, после – в прах.

Сердцем славлю молодое тело,
радуюсь плесканью тонких рук.
Вижу, помню, как глаза блстели.
Вёл и нежил вдохновенный звук.

V Здесь я был, грешный

Путешествия. Искусство.

В далёком крае снова где-то пропадаю

Потемнело. Слышны капли за окном.
Мир свернулся в мягкий маленький комоч.
Тесен, тесен мой осенний уголок.
Распахну его приветливым лучом.

Свет – пространство, в нём предметы оживут.
Вот стена, на ней картин нестройный ряд.
О шагах моих над миром говорят,
о блаженстве наплывающих минут.

Нотр-Дам в дожде небрежном,
стар, как дерево напротив.
Рядом жизнь: в своих заботах
зонтики бегут поспешно.

В день такой здесь я был, грешный.

Рядом вылеплен мост Вздохов –
мокрая Венеция.

Маски – праздников не детских,
карнавалов всполохи.

На салфетке под булавкой
вышивка: швед-молодец,
с ними рядом девицы.

В небольшой стокгольмской лавке
довелось нам встретиться.

Прочь, ноябрь! В далёком крае
снова где-то пропадаю...

Париж

В автобусе неловко. Ночь в пути.
Огни погашены. Спишь и не спишь.
«Смотрите, зарево вдали висит
Широким пологом. Его огни – Париж!»

Четыре дня: дворцы, соборы, Лувр.
И вот последний вечер. На корабль
Речной – огромный – входим. Лёгкий гул
От сотен, сотен голосов. Хорал!

Гид объясняет по-английски? Да.
Теперь испанский и китайский вслед.
А вот по-русски. Мы кричим «ура!»
Задорней всех. Конца восторгу нет.

Миг памятен. Мы словно за столом
С народом всей планеты.
И плывём.

Неаполь

Неаполь – ослепительная синь
Небес и моря. Больше ничего
Не видишь поначалу. Но раскинь
Глаза: южане здесь – жрецы его.

В тележке – сливы, груши, виноград
(под южным солнцем зрели в чьём раю?).
Корзинки бережно красу хранят
И нас неслышным голосом зовут.

Хозяин статный, в гриве седина.
Усталые, спокойные глаза.
Торг свой ведёт – за всё одна цена.

Тут «самовар»? Да, без воды нельзя!

Плоды омоет чистой водой.

Как сладок мир!

И вечен труд простой.

В капелле Ватикана

Silence! Слово повторяя,
мы входим медленной толпой
в зал Ватикана. Нас собой
Буонаротти увлекает,
являя без границ, без края
высокий, тяжкий подвиг свой.

Глаза блуждают в запределе
библейских истин. Потолок
исчез. Фигур людских поток
над нами кружит каруселью.

Вдруг взор напрягся: на алтарной
стене как туча Страшный суд.
Трубят, воскресший люд зовут
к решенью ангелы. И странный
Христос – как вождь на поле бранном.

Мне тяжело, горько, неуют.

С другим Христом душа сроднилась.
– Расправься с грешницей! – Простил.
Разбойнику рай посулил.
Весь путь его – любовь и милость.

А как же Данте? Круги ада?
Достоин кары человек?
Короткий завершил свой бег,
творя что должно, что не надо.
Как шлейф, ошибок, слёз громада.
Власы его что вешний снег.

Он страждет, свой припомнив путь.
Господь, ты рядом с ним побудь...

Ну а злодеи? Где они?
Ты и на них, Господь, взгляни.
Стоят угрюмо, не дыша.
Что плоть – растерзана душа.

Кого ж карать?

Хельсинки

Аквариум роскошный. Рыбья пасть
У глаз моих. Конёк стоймя плывёт.
Суоми удивить посмела нас.
Ей удалось, хоть царство рыб не в счёт.

Малышка шла с отцом передо мной,
Смеялась, рассыпала говорок
Свой финский перед тварью водяной.
И речь лилась что песенный поток.

Чужой язык несёт и блеск, и звон,
Коль в детском нежном лепете рождён.

Трольхауген

Звучанье «Утра», северной зари
Чарует нас под кровлей травяной
Владений Грига. Всё здесь говорит
О нем. И облик рядом, за стеной.

Игрушка-дом нас принял. Всё, прощай!

Крутой тропой спускаемся вдоль скал.
«Стоп, господа! Вот Грига вечный рай».
Затихли, даже ветер замолчал.

Окно в скале, в нём буквы, чисел счёт.
И тихо озеро внизу поёт.

В горах Норвегии

Наш автобус ныряет в туннели –
в царство троллей? Чуть дрогнет в груди –
вновь на воле. То сосны, то ели
там, вверху на горах, впереди.

К Согнефьорду по светлой низине
катим, в край бесконечных озёр,
бурных речек – воды чистой, синей.
Блеск такой, что туманится взор.

Поздним вечером в новом отеле
отдыхаем, стоит под горой.
Русский держит его! Обомлели.
Так уютно, хозяин-то свой.

Рассвело. Дальше ехать причина.

Смотрим: сверху спускается к нам
седовласый высокий мужчина
и – по-русски: «Понравилось вам

в моём скромном жилище?» С улыбкой
поклонился, поблагодарил.

Вот судьба. И в сознании зыбко:
грустный,
дерзкий ли
взмах её крыл?

В чешском городе Крумлове

С пыльной улицы и жаркой сходим по ступенькам
в незнакомый погребок – тёмный, дымный рай.
Ароматы завлекают, шевелятся деньги.
Нас, растерянных немножко, с лаской принимай!

Посреди очаг старинный, печь, колдует повар.
Красные огни мигают и манят гостей.
Тихой музыкой витает над столами говор.
Проступают силуэты всё чужих мастей.

Нам достался стол уютный, ладный у окошка,
где подошвы мельтешат рядом с головой.

Заказали по куску душистого барашка
и напиток светлый пенный. Вот и пир горой!

Где мы? В сказке заплутались, в подземелье гномов.
Это их по стенам тени молча разбрелись?
Здесь покой душе уставшей и блаженства омут.
Но придется в явь вернуться – по ступенькам ввысь.

Два очарования

Мельница из белого фарфора –
мальчик-с-пальчик, только и всего.
Башенку в два этажа узоры
оживили – бежевым пером.

Тут и дверцы. Кто их открывает?
Тут и окна. Кто из них глядит?
Крылья-лопасти закрутят в мае
ветры – сама мельничка взлетит.

Это памятка из Амстердама.
Помню, от витрины не уйти.
Час назад стелилась панорама
поля с мельницами (по пути).

Сам хозяин сувенир являет
на ладони. Но цена, цена!
Я плачу, хоть сердце замирает:
загляделся – не твоя ль вина?

Повторилось вновь очарованье.
Остров близ Венеции. Стекло
плавят мастера. Их рук созданья –
это грань искусств, не ремесло.

Он парит, понизу освещённый,
лёгкий синий парусник со всем
естеством своим. Стою влюблённый
в чудо синее, и недвижим, и нем.

Тот корабль на острове Мурано,
ещё в памяти. Не куплен, нет.
Что сберёг я в глубине кармана?
Ничего. Того простыл и след.

Я слышала пение это

Длинный, тёмный декабрьский вечер.
В моём доме живых две души:

голос чудный навстречу спешит,
я ловлю, завернувшись по плечи.

На экране повадкой нездешней
нас чарует маг сцены Муслим.
Он поёт – о любви! Рядом с ним
зимний сумрак мне кажется вешним.

«О, Мари!» – омывается сердце
болью сладостною в унисон.
«Не спеши...» – смолк до шёпота звон,
и к блаженству распахнута дверца.

Я закрыла глаза и не вижу,
как раскинулись руки певца.
Всё волненье вобрал до конца
звук, взвиваясь всё выше и выше.

Есть любовь (или только моменты)
что полна высоты неземной.
Она в голосе,
здесь, предо мной.
То не выдумка, не сантименты.

Жизнь моя, ты была ли согрета
чистым пламенем вешнего дня?
Пусть не мучит сомненье меня,
ведь я слышала пение это.

* * *

Сколько видано, сколько читано.
Мы купались в ИСКУССТВЕ живом!
Жизнь течёт ручейком до пристани –
с ним
в безбрежном потоке морском.

Загадки Андрея Тарковского

В эти фильмы войти нелегко.
Может, зорче глаза в кинозале?
В кадре мир (нам знаком – незнаком),
как мираж, не спеша возникает.

С плотным шумом обрушился дождь.
Он безжалостно хлещет героя.
Вот и солнце – день летний хорош!
Капли в лужи летят с гулким боем.

Колокольный
капели трезвон
слух ласкает. Дырявые крыши
их впустили. Сарай без окон
весь сияет, он музыку слышит.

В светлой роще водица поёт,
речка камушки перебирает.
Все невзгоды, пожалуй, не в счёт,
когда бликами влага мерцает.

То не красочный милый пейзаж –
как гипноз, разум мучает наш.

Смена: сумрак, на улице грязь,
мусор, мусор, разруха – не новость.
Красок несовместимая связь
нас гнетёт. Где-то искоркой – совесть.

Эти краски и звуки как луч,
он пронзает экранное действо.
Чем так значим, так яростно жгучь?
Над невеждами, мастер, посмейся.

Слушая музыку Баха...

В суматохе мирской мы порою мельчаем.
Вспомнишь вечером, сморщишься: что-то не так.
Хорошо, встретив шутку и ласку за чаем,
прошептать: мол, давно зреет жажда-мечта
побывать на просторах концертного зала,
где великое действие творят мастера.

Здесь мы! Музыка Баха едва зазвучала,
сокровенное что-то тебе говоря.

Я в согласии с миром, большим, заповедным,
растворился средь сущих на милой Земле.
Волны звуков летят, и совсем неприметно
расцветает душа, как огонь на золе.

Звуки новые – волны темнеют, поникли,
тихой болью сменился недавний покой.
Грусть щемящая не поднималась до крика,
лишь тревожила сердце горячей мольбой.

Что в той боли? Пожалуй, с собой расставанье,
с той весенней зарёй, что несла день утех,
с дорогими людьми...

Правды трудной признание.
И улыбка любви тем, под небом... Для всех.

Отзвучали последние ноты сюиты.
Возвращаемся снова на землю с небес.
Мощь гармонии в нас вольным морем разлита.
Мы её понесём в будни – в сумрачный лес.

Песни наши славные

«За окном черёмуха колышется...»

Хор чуть слышным голосом
выдохнул мотив,
не спеша запел, заговорил.
Шевельнулись волосы,
мы сидим, застыв.
Слёзы... Их сдержать не стало сил.

Подпеваем шепотом.
Как молитву, знаем
эту песню, новые звучат.
Незаметным топотом
(слышишь?) провожаем
озорных мелодий водопад.

Песни наши славные
долго рядом были –
весь прошедший незабвенный век.
В дни для жизни главные
над застольем плыли,
для судьбы готовили разбег.

Хор поёт. Забытый звук,
поднимаясь выше,
светом наполняет новый день.
Может, через годы внук
песенку услышит –
«душу живу» русских деревень.

Силуэты Петербурга

«Люблю тебя, Петра творенье»

Задержался на экране чёрный силуэт,
а по сердцу пробежала радости волна.
Петербург. Его виденья подняты со дна
памяти как драгоценность отлетевших лет.

Петропавловская крепость, шпиль пронзает высь.

Рядом, словно зверь на дыбе, разведённый мост.
Город строгий наплывает зримо, во весь рост.
Из болот рывком когда-то стены поднялись.

Очертанья дорогие, сколько их у нас...
Вот в прожекторах-софитах всадник на коне.
С гордостью Ленфильм дарует дерзкий образ мне.
Я у гром-подножья молча постою не раз.

На далеком горизонте контур проступил –
величавый Исаакий. Чаши-фонари
проплывают, вновь рождаясь раз, и два, и три
на экране, как движенье мерное светил.

Вдохновения былого в них струится свет
мастеров российских,
пришлых из знакомых стран.
Здесь отважный Фальконе, упрямый Монферран.
Вам я шлю любви посланье из грядущих лет?

К двухсотлетию со дня рождения Афанасия Фета

Стать богатым и быть дворянином –

цель его, существо.

На пути к той заветной святыне –
воля, ум, ремесло.

Но неожиданный фантом родился
в этой трезвой душе,
осветил, обволок, отделился
и диктует уже.

В нём дыханье поэзии чистой,
в нём царит красота.
Со стихами взвиваются листья –
книжные облака.

«Эти думы, – шепчу, – эти грёзы»...
Увлекает строка.
Там лились благодатные слёзы.
Их ловила рука.

Через два пролетевших столетья
мы с поэтом вдвоём
пьем восторга вино. Словно дети,
вместе песню поём.

И гуляет фантом неуёмный на Земле среди живых.
Кто-то ночью горячей, бессонной строит лесенку-стих.
Наслаждается найденным словом, как живым янтарём.
Дел других накопилось? Готовы
отложить – на потом.

Оскар Уайлд

Мне видится, над ним, ещё младенцем,
бог Аполлон, скучая, пролетал.
Увидел, разгорелось жарко сердце:
«В живую душу влиться срок настал».

И вот уже царит в салонах светских
ирландский Аполлон. Красив, как бог.
Вчера на нём вился халат турецкий,
сегодня куртка чуть касалась ног.

Он нарасхват в домах английской знати,
Умён Уальд, остёр и смел в речах.
Цвет нации – его друзья и братья.
Он принц в поэзии и в прозе шах!

Талант цветёт роскошной роз Эдема.

На сцене пьесы. Реплики – восторг.
Созрел роман о Дориане. Тема
измучила: кому, себе урок?

Пегас несёт эстета
над призрачной толпой.
«Ликуй! – хвала пропета.
– Желай – мир будет твой!»
Распалось всё, что держит
спасительной уздой.
С Олимпа самодержец
так... поиграл с тобой.
Он не внушил поэту,
что человек не бог,
ему нужны запреты –
сознание веков.
Был гордый принц унижен,
знал нищету тюрьмы.
В Париж умчался, выжил
год, два – до полной тьмы.

Идут к могиле дальней, к изваянью
поклонников беспечная семья,
несут в душе негласное признание
живого слова, полного огня.

Дежурный по стране

Памяти Михаила Жванецкого
Растянулся в скользкой луже.
Поднимусь не скоро,
тут нужна опора.
Зло внутри и грязь снаружи –
не бывает хуже.

Кто-то шёл, застыл на месте.
Щурит глаз лукавый.
– Хватит киснуть, право!
Над собой посмейся,
а потом побрейся.
Подтолнул большим портфелем,
сморщился в улыбке,
мимолётной, зыбкой.
– Я сказал – ты понял,
так давай, по коням!

Он исчез, иль солнце село?
Я вскочил и хохочу,
высоко взлететь хочу,
словно мячик, смело.
Смех – Большое Дело!

Смех особый, над собой.
Тут прозреет и слепой.
А за ним и вся страна
вдруг очнётся ото сна.

Ушёл Александр Градский

Словно звёзды ночные,
окружают меня
незнакомцы – родные
и чужие – друзья.
То созвездье мерцает
золотых голосов,
поднялся от окраин,
засветиться готов
рой несметный экранных
узнаваемых лиц,
музыкантов туманный
пояс звёзд или птиц.

В окружении милом
жизнь катилась светло.
Что-то
вдруг

погасило
в звёздном мире окно.
Зародилась тревога:
пропадают огни.
Тёмных пятен так много,
наплывают, гони.
Но рука падает
в пустоту, тишину.
Разум понял, всё знает,
смолк у горя в плену.

Полыхают зарницы –
новых звёзд торжество.
Не для нас
эти лица,
не сложится
родство.

VI Будем помнить

Памяти поэта Валерия Пиляева

А хочется ещё пожить
В краю болезненно любимом,
Но рвётся паутинки нить
Неумолимо.
/Валерий Пиляев/

Закончился концерт –
пел монастырский хор из Валаама.
Здесь те, кто не одет,
теснится зрителей взволнованная лава.
Среди них его лицо –
счастливое! Торопится с внучонком.
– Привет! – руки бросок.
И уж исчез – полёт фигуры тонкой.

Последней встречи час.
Последних дней летящие минуты.
Не думал он о вас,

не чуял своего исчезновенья смуту.
Всё вспомнилось, едва
весть горькая до слуха долетела.
Его стихи сюда,
на стол – поэта сладостное дело.

В них смел он и горяч.
Вдвоём с девчонкой в вихревом потоке –
ловец лихих удач.
В крови звенят стихов живые токи.
Открою и не раз
я «Возвращение» его, чтоб ожил
сегодня и сейчас
поэт и встретил солнце в день погожий.

«Возвращение» – название книги стихов Валерия
Пиляева.

Звучит её рассказ

Посвящается Лидии Алексеевне Бунарёвой-
Оленичевой.

Крадется старость полная, до края.
Сошло на нет общенье, а в глазах

всё крутится клубком жизнь прожитая.
Вновь зазвучать готова на устах.

* * *

Сегодня я в гостях. Смирю упрёки
и помолчу за праздничным столом.
Моих речей не наступили сроки,
хозяйке счастье – вспомнить о былом.

Не первый раз звучит её рассказ.
Он снова хочет растревожить нас.

– Мы теснимся в сарае
зябкой, горькой толпой.
Немцы избы сжигали
той студёной зимой.
Слышим треск мотоциклов
и командную речь.
Мама шепчет молитву,
и сарай будут жечь?
Тишина. Ловит ухо
снега хруст – всякий звук.
За стеной пока глухо.
Чьё-то шарканье рук
у дверей. Что есть мочи –
настежь, входят гурьбой

парни... наши! «Сыночки!» –
все кричат вразнобой.
Обнимаем, целуем,
чуть не смяли ребят.
...Дню тому «аллилуйя»
повторю... повторят.

Умолкла, взгляд блуждает одиноко
на дальнем, запредельном берегу.
Мои слова остались за порогом:
что равное поведать я могу?

Мы их помним

Весть печальная. Вторая из подруг
уж не ступит по траве июльской,
не увидит солнца жаркий круг,
ночи звёздной. Ах ты, Люська, Люська!

Но ведь было... Юность, университет.
Госэкзамены, книг толстых горы.
В общежитии не гаснет ночью свет.
Чтение, зубрёжка, разговоры.

Жизнь, подсвеченная дружбой, понеслась.
Каждая – по собственной орбите.
Встречи редкие. Беседы доброй властью
нерушима. Горести не скрыты.

* * *

Мчится поезд без дороги в никуда.
Но – стоп-кран сработал. Кто-то сходит.
Остро ранит нас неожиданная беда,
словно бы споткнулись на пороге.

Долго, долго смотрим в заднее окно
на сошедших. Лица уплывают.
Мы их помним, кто ушёл вчера, давно,
пока сами ещё движемся... до края.

Игорёк

На лужайке лесной два смешных мальчугана.
Обсыхают, купались в заветном пруду.
Волоски во все стороны лезут упрямо.
Всё сбылось, что мечталось ещё поутру.

На плоту покатались по тихой водице.
Вкусный полдник: картошка с зелёным лучком,
чай из термоса с яркой китайской жар-птицей,
хлеб поджаренный манит румяным бочком.

Тельца худенькие, видны тонкие ребра.
Лица! Сколько в них счастья от летних утех,
от здоровья всех клеток – крепкого, доброго,
от начального бега до неведомых вех.

Веха вдруг обозначилась. Старший парнишка
(ему все шестьдесят с малым хвостиком лет)
жизнь закончил вчера, в октябре, горько слишком
покидал в прошлом веке подаренный свет.

Вот и вспомнилось фото, с ним скорбная правда,
невесёлая доля твоя и моя.

Нет, не то. Счастье было, и счастье награда.
Жизнь взлетала как песня... в какие края?

VII Всё о ней

Татьяна Шадская

До новых встреч!

Школьных вёсен цветенье,
спор: кто я в жизни сей,

породили сцепленье
душ – твоей и моей.
Побежали мы рядом
по дорожкам своим.
Уж не юности садом
мчимся – в поле стоим.

Но сегодня далече
от тебя до меня.
Что ж, отложим мы встречи
до заветного дня...
Сколько лет не смотрели
мы друг другу в глаза?
Долетят еле-еле
лишь звонков голоса.

Но случилось чудо:
подкатило такси,
выплывает оттуда...
– Вот проси не проси,
а назад не уеду,
пока не нагляжусь.
Кто из нас непоседа?
– Ты, Татьяна, сдаюсь!
Твой визит – всплеск души,
дерзкий протуберанец...

Замереть не спеши,
жизни радостный танец!

На тверской земле

На исходе ноябрь. Влажный лёгкий снежок
разыгрался сегодня весёлой метелью,
одарил всю округу мягчайшей постелью.
Спи, деревня моя: сад, дорога, лужок!

Не спросясь подновил он сарай, избу.
Крышу ватой покрыл, конопатил окошко,
на ограду надел шапки – так, понарошку.
К ночи – тишь и покой, снег уснул на лету.

Возвратилась в свой дом. В жаркой печке дрова.
Вьётся запах дымка и берёзовых плашек.
Свежий чай на столе – то причастие наше.
Как кружилась метель... а теперь голова.

Я задёрну окно. Рядом темь без огней.
Никого. Лишь снежок чистым светом ласкает
да столетняя печь служит мне, согревает.
Задержусь, не уеду в Москву, здесь милей.

Телефонный разговор

Позвонишь, бывает, странный
развернётся разговор:

– Ноготки цветут, два славных,
рыжих-рыжих. До сих пор
всё тянулись. А сегодня
поднесли подарок мне.
Я с утра почти до полдня
млела, сидя на скамье.

Удивилась, но смолчала.
Радоваться-то чему?
Их, глазастых крох, немало
по садочку моему.
Там и сям, у всех обочин.
Мы давно привыкли к ним.

Стоп! Пройдусь неспешно. Очень
каждый хочет быть любим.
Он родился на рассвете,
отряхнулся от росы.

– Я один такой на свете
удивительной красоты.

Ароматом лепестков
зов летит: – Взгляни, каков!

Принять не смею

Листочек на столе моём,
он в клеточку, по краю смятый.
На память запись. Что ж, найдём
рассказ о Рихтере – то свято.

Вчера с подругой разговор
вели по телефону долгий.
«Послушай!» «Почитай!» И спор,
и вслед советы ловим бойко.

Листочек... А Татьяны нет.
Не слышит музыку «Орфея»,
её не тронет снежный свет
за окнами.

Принять не смею
я немоты на месте том,
где мысль и чувство трепетали.

Мне чудится... растаял дом,

где мы кружились в светлом зале
под песни неба и земли.

Те звуки замерли,
пропали.

Уже февраль

Я шагнула в метельный февраль,
а январь остаётся за краем.
Как холодный туман, возрастает
между мной и Татьяною даль.

Ещё голос её долетел
о январском морозном мерцанье
и с детьми новогоднем свиданье.
Было. Снова не будет. Предел.

Как же хочется верить: душа
где-то рядом, над нами витает.
Те, кто в детстве любил её, в стаю
взяли, вместе парят не дыша.

Спешит народ

Вагон метро подрагивает зябко.
Мельком взгляну на лица предо мной.
Один. Одна. Сурово смотрит. Мягко
скользнула, взор уводит стороной.

Один? Помилуй, целая «вязанка»
родных, любимых, славных, дорогих.
Кто улыбнулся нынче спозаранку,
кого увидит – весел и учтив.

Взор привлекает хрупкое создание.
Седые волосы, печаль. Одна.
Где люди дорогие? Лишь преданье
осталось от ушедших в никуда.

Она родня мне. Холод подступает
с недавно оголенной стороны,
не тело моё, душу остужает.

Спешит народ. Нас много, мы нужны.

Варежки

Стерлись варежки от палок,
новые нужны.

Здесь на уличных развалах
грубы и смешны.

Их не принимают руки,
отвергает глаз.

Знать, вязали руки-крюки
для чужих, для нас.

Стоп! Ведь где-то залежался
от подруги дар.

Года два прошло, дождался.
Где такой базар?

Словно птенчики, пушисты
сверху и внутри.

Сине-розовые искры
от какой зари?

Чуть приметные узоры –
серебристый ряд.

Варежки, надеюсь, впору

(так ведь говорят).

Поблагодарить бы... Сложно.

С нами нет её.

Надеваю осторожно.

Боль-тоска гнетёт.

Что-то там внутри мешает.

Фантик от конфет?

Вся конфета, высохшая.

Издали привет?

Вспомнила завет подруги

угостить тайком.

Прячут ласковые руки

кладку «на потом».

Чтоб забавою нежданной

посмешить,

чтобы время, как ни странно,

воротить.

Человек на своём месте

Памяти дорогого человека

На просторах российской земли
деревеньки свой срок доживают.

Огонёк не пробьётся, взглядишь,
сквозь окно в крайнем доме. Простая
тому правда: жил-был – изнемог,
кто вчера ещё песню капли
слушал
да звук под пятой своих ног,
половицы привычно скрипели.

А теперь тишина, тишина.
Без хозяйки безмерна она.

Печка рада бы снова согреть
эту низкую чистую келью.
Полки снеди укрыла подклеть.
Трав душистых пучки над постелью.
А на воле дорожки, кусты
и берёзка, родная до боли.
Всё любила, лелеяла ты,

мать-хозяйка всей этой юдоли.

Ещё помнит сегодняшний день
седовласой хозяйюшки тень.

То ограду погладит рукой,
кошке пришло́й похлёбка найдется,
то присядет на лавку (покой!),
то потянет ведро от колодца.

В грустный час попросила детей:
– Не оставьте мой дом без призора,
подарите без всяких затей
добрым людям. Пусть трудятся споро.

Видишь вкось повалившийся дом?
Кто-то плачет
осенним дождём.

VIII Вручить решаюсь с надеждой зыбкой любимый труд

Поэзия

Наконец-то я дома!

Тихо откроется дверь. Наконец-то я дома!
Где б ни была, возвращенье домой – благодать.
Здесь я себя не делю даже с тем незнакомым
странным прохожим, кого не положено знать.

Снова едины душа и уставшее тело.
Ноги свободны, по комнатам вольно кружат.
Скоро находится нужное милое дело.
Столик рабочий – о нём стосковалась душа.

Хмурою зимней порой целый день освещает
лампа мой стол, как горбатый с фонариком гном.
Дарит он добрый уют вместе с теми вещами,
(нужными мне!), для которых столешница – дом.

Я примостилась, пишу, словно в коконе света
в комнате тёмной. Проклюнулись строчки стиха.
Мучают, грезятся. Робко зову – нет ответа.
Ладно, прощу, ведь у слов золотых нет греха.

Вы оставайтесь подольше заветным пределом,
дом мой, и стол, да и гном с его праведным делом.

Стихи как листья

Иду тропинкой за ветром в осень,
в холодный день.
Ему поминки по лету вовсе
справлять не лень.

К щеке, к ладоням сухие листья
прильнут на миг –
и вновь погоня: их ветер быстрый
сорвал, настиг.

Стихи – в полёте: затронут сердце,
пропал и след.
Их не зовёте – тихонько меркнут,
ни строчки нет.

Пройду по тропке, смету не листья –
стихи свои.

Бумаге робко доверю мысли,
любви круги.

Вручить решаюсь надеждой зыбкой
любимый труд.

Порой внимаю, с пустой улыбкой,
молчанья суд.

И всё же счастье: теснятся в книжке
ряды стихов.

Я жду участия, чуть-чуть, не слишком.
Негромких слов.

Сомнение

Мысли, чувства, как в тумане ёжик,
ищут что-то, смотрят в небеса.

Словом стать – нет ничего дороже,
обрести и плоть, и голоса.

Славная игра! Так поначалу.
Снежный ком стихов растёт, блестит.
Братья по перу к тебе причалят.

Хор друзей негромко гомонит.

Всплески ожидаемых созвучий
в чьем-то сердце, следом и в глазах.
Заприметим и смешок летучий,
тяжела молчанья полоса.

Больше радости иль тихой боли?
Почему сжимается душа,
если робко посыпают солью,
строй словесный, что-то вороша.

Не игра то, вовсе не забава.
Звон печальный раненых сердец.
Всё – на суд людской (всегда ли правый?),
сердце собственное, наконец.

Может, молча в сторону уйти,
с красным словом коль не по пути.

Но опять, как краткий летний дождь,
слов поток. Прелейся, потревожь!

О друзьях-товарищах с любовью

Поэтическая жилка –
вредный червячок.
Не гляди, что мал, в нём сила,
так-то припечёт!

Обозначит среди прочих:
– Глянь, ещё такой,
громкий, чуть смешной, короче,
странный, не простой.

Их друг к другу явно тянет
робкая мечта
красоту создать. Обманет?
Красота не та?

– А по-моему, неплохо,
правда?
– Хорошо!
И посыпался горохом
добрых слов мешок.

*

Слово русского поэта
для него кураж.
Сердце, строчкою задето,
светится. Шабаш
всем делам и всем печалям,
лишь стихи летят.
Он читает. Зазвучали.
Златозвонный ряд!

*

Дел житейских больно много.
Но бывает грех:
стих, хоть малый, по дороге
сочинит для всех.
С пылу, с жару получайте
чудо-пирожки.
Вкусно, правда? Не ругайте,
лучше – не с руки...

*

В сердце птицею запела
к людям доброта.
Слово – это лишь полдела.
Всё же неспроста
оно рвётся мир поправить,

ласкою залить.

А погибших жить заставит
в огненной пыли.

*

Посмотри на Николая:
шустрый, как волчок.
Ненавидит – то до края,
Любит – горячо.
Весь вулкан страстей он вложит
в длинные стихи.
Распечатает, размножит –
вовсе не плохи.
Разрешат прочесть – прочтёт.
Знает их наперечёт.

Наш народец очень славный.
Хлебом не корми,
лишь позволь стишок забавный
крикнуть, не томи,
бурным чувствам дай прорваться.

Кой о ком сказала... вкратце.

Словарь

Твёрдый, строгий переплёт
цвета школьной формы.
Обносился, наотлёт
корешок узорный.

Клеила – опять отстал.
Не стоит на месте
мой СЛОВАРЬ, хотя не мал
его вес (вы взвесьте!)

Возраст – пять десятков лет,
как седой профессор.
Очень знающий субъект,
с ним общаюсь тесно.

Друг мой, Ожегов-словарь,
страж российской речи,
ты как драгоценный ларь
с нашим златом.
Вечным!

Лист белой бумаги

«Так исповедь льётся немая,
Беседы блаженнейший зной»
/Анна Ахматова/

Лист белой бумаги, смотри, оживает,
вот буквы пошли. Кто со мной говорит?
Он, друг мой. И комната кажется раем,
и время вдвоём незаметно летит.

Вздохнув, принимает мои откровенья.
А брызнули чувства – подставит ладонь.
Готова и виза для всякого мненья –
лети, как летит необузданный конь.

И кто, кроме друга, увидит ошибку,
споткнувшись на общей усталой тропе?
Нескладное слово – кривится улыбка,
и это противно ему и тебе.

Над белым листом, как ветла над водой,
склонясь, разговор веду молча с собой.

Млечный Путь

Ко Дню поэзии

Звёзд бесчётно в небе зимнем.

Пригляди́сь:

не покажется ли дивным

эта высь

поселеньем. Кто давненько

на Земле

проводил последний день свой

на заре,

а теперь глядит безмолвно

издали,

огоньком мигает, словно

говорит.

Серебрится пояс Млечный,

век такой

поспешил к нему на встречу,

на покой –

век серебряных поэтов,

чьих имён

двадцать первый мощным светом

ослеплен.

В тесном дружеском круженье

сотни звёзд,
в поэтическом боренье
всяк не прост.

Знаем, смолоду сходились
не без ссор.
Башня в Питере ломилась
с неких пор.
Блок читал в ней «Незнакомку»
в поздний час.
Ему хором, ему громко:
– Ещё раз!
Спор в салоне Мережковских.
Под Москвой
в тёплых залах поляковских
в стужу, в зной.
Там поэзии, искусства
горний край,
музыка живого чувства –
в ней сгорай!

* * *

В небе столько одиноких
огоньков,
затерялись в тьме глубокой,

В CHE ВЕКОВ.

IX Мой привет японскому поэту Мацуо Басё.

Стихи-эхо.

Гриб

Гриб-боровик.
С незнакомого дерева листья
Облепили шляпку.
/Хокку Басё/

Заманила утром ранним
ельника полоска.
Тонут в солнечном тумане
ёлки и берёзки.
Схоронились где-то рядом
тайники грибные.
Хорошо, когда парадом
высыпят иные.
Пробралась сквозь ворох тесный
веточек колючих.
Предо мною (Царь небесный!)
боровик. Из лучших!

Шляпка что пирог румяный
с капелькой-росинкой.
Ножка – столб, он без изъяна.
Где моя корзинка?

Тут по сердцу полоснуло:
ты в чужом угодьё!
Ветки полог свой сомкнули –
это крыша вроде.
Трав душистые извивы
гриб тот пеленали.
Золотые рыбки ивы,
по краям пристали.
Натрусили ели хвою –
мягкий трон высокий.
Не порушу, не раскрою
даже ненароком.

День-озорник

Светлый день. Но вдруг –
Маленькая тучка, и
Дождь заморосил.
/Хокку Басё/

Что за день затеялся с утра!
Тайный озорник вдруг объявился?
Я зашёл в сарай свой по дрова,
два полена на полу – свалился.

Шёл, смеясь, мотая головой –
ветка шапку с головы стянула,
покачала ею надо мной.
Доставать не стал, побрёл понуро.

Приоделся, ждал соседку я,
распахнул торжественно калитку.
Ма-а-аленькая тучка лишь меня
окатила дождичком. До нитки!

Дятел

Стучит и стучит
У домика лесного
Дятел-трудыга.
/Хокку Басё/

Перед домом липа – великан.
В пышной кроне стук всё лето слышу.

На стволе прореха, как карман.
Дятел выдолбил для толстых шишек?

Елей рядом нет, за огород
надо полететь, там ёлки-колки.
Неужели в клюве приволок?
Вставит шишку, треплет не без толку.

По весне мы видим: потрошил
шишки стылые. Под липою их столько!
Издали нёс, не жалея сил,
пировал до хмурой зимней зорьки.

Колокол смолк вдалеке

Колокол смолк вдалеке,
Но ароматом вечерних цветов
Отзвук его плывёт.
/Хокку Басё/

Разгулялось озеро широко.
Там вдали, на бережку, белый храм.
Поднимает высоко острый кров
колокольня, звон летит по лугам.

Вечереет. Звук притих и умолк.
Мне же чудится, чуть слышно поёт:
аромат цветов и трав пряный шёлк
звона смолкшего доносит полёт.

* * *

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.
/Хокку Басё/

Мокрые ступеньки. Тишь и темнота.
Перед сном дорожки потопчу.
Затаилась рядом яблонь нагота.
Подниму фонарика свечу.

Что-то там чернеет на суку сосны.
Свет зажму ладонью поскорей.
Ворон, дремлет ворон средь крошечной тьмы,
всё приемля в участи своей.

* * *

Как нежны молодые листья.
Даже здесь, на сорной траве
У забытого дома.

/Хокку Басё/

Деревенька наша – шесть домов.
А когда-то... Бродим не спеша
нижней улицей. Наш путь не нов
по весне – уж больно хороша!

Ветер нам черёмухи привет
вдруг принёс. Да где же, где она?
Куча кирпича – от дома след,
сорный сад вокруг как память сна.

Кто-то бережно сажал сирень,
чтоб смотрела в окна майским днём.
Под листвою кружевная тень.
Голоса звучали здесь. В былом.

Ветер со склонов Фудзи

Протянул ирис
Листья к брату своему.
Зеркало реки.
/Хокку Басё/

Утро. Наливается небо тихим светом.
В золотистых росах травы у пруда

тянутся, склоняясь с ласковым приветом,
к братьям своим сонным, что хранит вода.

Капли росяные
замутили гладь.

Скрылись водяные
братья. Не видать.

* * *

Ветер со склонов
Фудзи в город забрать бы,
Как бесценный дар.
/Хокку Басё/

Дом наш деревенский спрятался среди яблонь,
в плен попал берёзок и душистых трав.

Утром ветер майский к нам сюда заглянет
запахи распутать – нет иных забав.

Выйду и застыну, опьянённый ветром.

Ишь, качает дерзкий вербную лозу.

– Лезь в котомку, завтра я тебя с рассветом
в город как подарок щедрый отвезу.

* * *

Над вишней в цвету
Спряталась за облака
Скромница луна.
/Хокку Басё/

Показался на небе
серп луны.
Как подросток-девица,
хороша.
Скоро полнолуние,
ей даны
все права блистать в ту ночь –
ждёт душа!
Час заветный наступил.
Лунный шар
весь в фате серебряной
проплывал.
Что за чудо: по земле
бел-пожар
тихим пламенем идёт.
Праздник? Бал?
Вишня, вишня зацвела
по садам,
в кружеве серебряном
белый свет.
– Не до неба – на земле
красота.
Тучка рядом, а меня
уже нет.